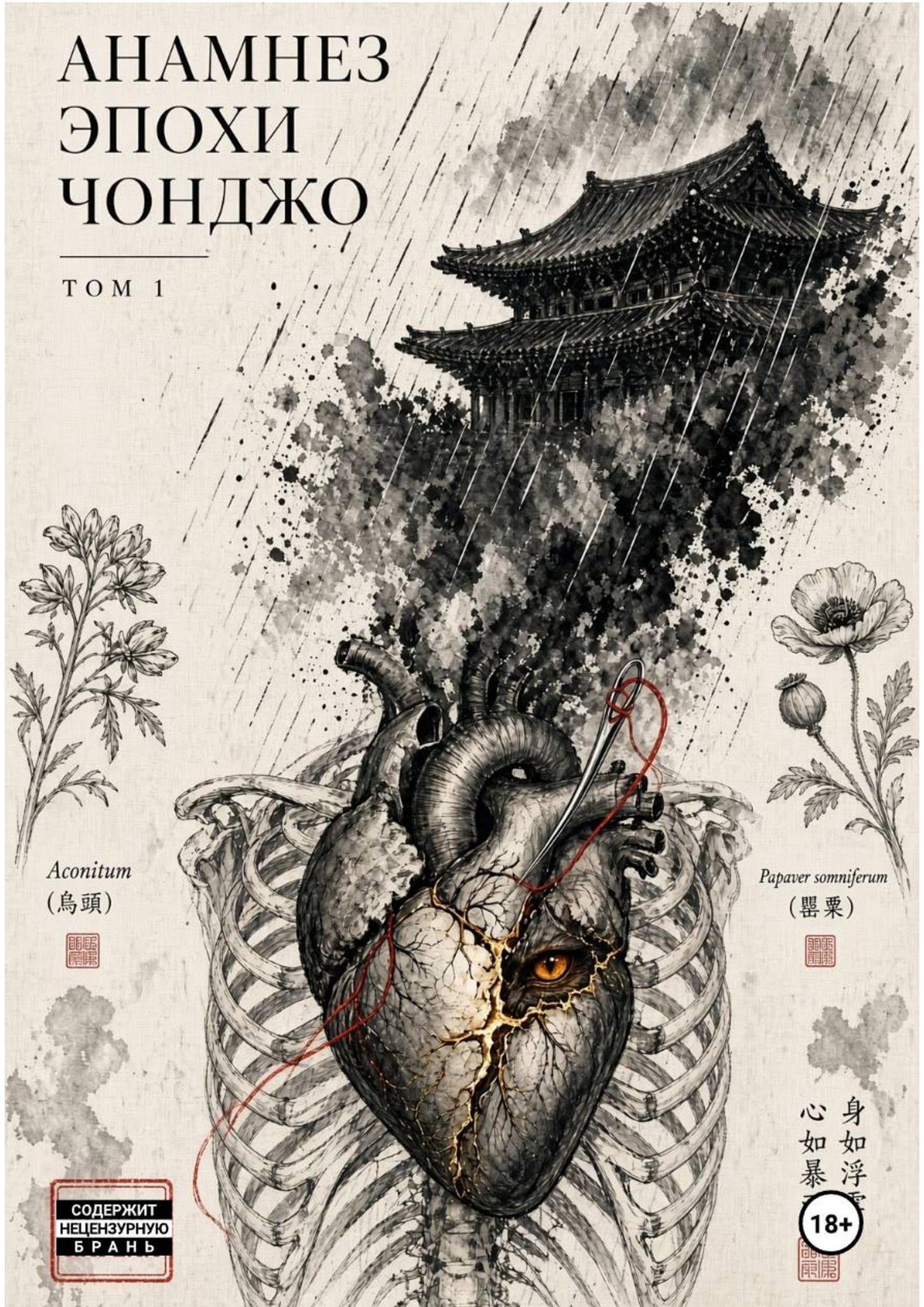
АНАМНЕЗ ЭПОХИ ЧОНДЖО

ТОМ 1

Aconitum
(烏頭)

Papaver somniferum
(罌粟)

身如浮雲
心如暴[illegible]

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Милена Карелл

Анамнез эпохи Чонджо

«Автор»
2026

Карелл М.

Анамнез эпохи Чонджо / М. Карелл — «Автор», 2026

1800 год. Двадцать четвёртый год правления государя Чонджо. Королевский двор Чосона стоит на пороге большой крови. Пока монарх медленно умирает в столице, две могущественные партии ведут тайную охоту на его скрытого в горах старшего сына.Елена Волкова — в прошлом медсестра с Урала, а ныне девятнадцатилетняя казённая рабыня Сольби — попадает в опальную усадьбу Чхонсим в качестве тайного соглядатая Королевского трибунала. Её оружие — опыт медика, знание трав и ядов да трезвый цинизм взрослой, битой жизнью женщины, которая больше не верит в сказки. Её единственная цель — выкупить свою свободу и не позволить чужой памяти стереть лицо родного сына.Но в мире, где человеческая жизнь стоит дешевле горсти риса, а за порогом спальни ждут палачи, нельзя остаться в стороне.Это история о том, какова настоящая цена монаршей милости и благородной любви в век жестокого патриархата. О том, как не сломаться в золотой клетке. И о том, что даже самое выжженное сердце способно однажды снова стать живым.

© Карелл М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Между строк 5
Глава 2. Чхонсим 12
Глава 3. Госпожа Сон Тогим 18
Глава 4. Ли Сун 26
Глава 5. Сказочница 35
Глава 6. Пэк Хачжун 42
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Милена Карелл
Анамнез эпохи Чонджо

Глава 1. Между строк

«Дорогой дневник».

Нет. Господи, нет. Так, кажется, писали в своих розовых тетрадках девочки-подростки, которых к нам в отделение привозили после несчастной любви и пачки маминого феназепама. Промоем, прокапаем, а через три дня сдадим родителям под расписку. Славные были времена: тогда дневник можно было вести хотя бы шариковой ручкой.

Здесь, чтобы записать собственные мысли и не загреметь за это на плаху, пришлось выскребать из памяти школьную химию. Пишу — и строчек не вижу. Проступят, если бумагу намочить. Шпионские игры в моём-то преклонном возрасте. Хотя этому телу всего девятнадцать лет. Или, если по-человечески, — восемнадцать. У них тут новорождённому, видите ли, сразу записывают год.

Но без этого никак. Я теряю себя. Не фигурально — буквально, как теряют кровь из плохо ушитой раны: не сразу, по капле, и спохватываешься, когда уже темнеет в глазах. Память этого тела, его язык, его повадки медленно и неотвратимо затягивают мою прошлую жизнь. На той неделе я попыталась вспомнить девичью фамилию свекрови — пусто. Слова той песни Цоя, которую Игорь мурлыкал, когда брился по утрам, — пусто. Ещё года два-три, и от меня настоящей не останется даже пепла.

Если кто-нибудь из местных увидит кириллицу, вряд ли станут разбираться. Решат — либо лазутчица, либо ведьма. Здесь и за меньшее казнят. Эта серая казённая книжица — мой билет на эшафот. И всё равно я её веду, потому что куда больше боюсь проснуться однажды утром и не вспомнить, как зовут моего Сашеньку.

Кого я уже забыла? Что уже вытеснили из меня четырнадцать лет в чужом теле?

Ладно. Раз уж другого слушателя у меня всё равно нет, скажу хоть бумаге: ваше хвалёное попаданство — собачье дерьмо! Всё, целиком! Без исключений!

Начнём с простого: где я? Чосон. Великий, мать его. Слово вроде знакомое — слышала где-то. Только где этот Чосон и с какого боку к нему подступаться? В советской школе на географии мы такого не проходили.

Какой век? «Двадцать четвёртый год правления нынешнего государя, год Белой Обезьяны, восемнадцатый день четвёртого месяца»… Ага. И чтоб жизнь малиной не показалась, со следующего новолуния снова начнётся четвёртый месяц — добавочный. Хоть в журнал сдачи смены этот бред вписывай.

Я даже не уверена, на Земле ли я. Может, это прошлое. Может, будущее, в котором человечество благополучно просрало электричество, канализацию и права человека. А может, я вообще внутри той дрянной книжонки, которую подобрала на остановке после суток, да так и не открыла. Сдохла с ней в руках в душном июльском автобусе. Обширный инфаркт в сорок четыре года — привет полутора ставкам, ночным дежурствам и двадцати лишним килограммам. Сапожник без сапог, чтоб меня, дуру старую. На обложке той макулатуры, кажется, стояли мужики в таких же нелепых прозрачных шляпах, какие носят здешние господа. А может, и не в таких. Попробуй вспомни обложку, когда падаешь лицом в грязный проход между сиденьями, а открываешь глаза уже в вонючей землянке в теле мелкой девчонки!

Тебя ломает от удушья и жара, во рту вкус меди, по телу ползают вши, а над тобой в дыму воет беззубая шаманка — трясёт медными бубенцами и тычет тебе в морду обезглавленной куриной тушкой, разбрызгивая тёплую кровь по всему твоему перекошенному хлебалу. Тут, знаете ли, во второй раз бы коньки от ужаса не отбросить.

Так. Стоп. Опять развезло на лирику, а свеча догорает, и другую мне никто не выдаст. На первой странице должно стоять главное. По буквам, чтобы перечитывать. Чтобы не сметь забывать.

Меня зовут Елена Николаевна Волкова. Я всю жизнь проработала медсестрой в ЦГБ Екатеринбурга. Моя прошлая жизнь оборвалась в 2018. Там, в далёкой России, у меня остался семнадцатилетний сын Саша, и я никогда не узнаю, сдал ли он свои проклятые экзамены. Я человек, а не говорящая казённая скотина по кличке Сольби.

Господи, только бы сберечь эту книжку от сырости...

****

Насчёт сырости вышло особенно пророчески.

Сольби криво усмехнулась и осторожно провела загрубевшим пальцем по намокшему углу серого блокнота.

Весенний ливень не утихал уже который час, превратившись в сплошную водяную завесу и вынудив караван укрыться на этом постоялом дворе, хотя до Ансона оставалось всего ничего. Дождь насквозь пробил соломенную накидку Сольби, промочил холщовую кофту, а на переправе через вздувшийся ручей добрался и до свёртка за пазухой. От воды грубая серая бумага потемнела, набухла — и поверх честных вертикальных столбцов инвентарной описи сушёной полыни и кореньев дудника, проступила та самая первая страница, исписанная месяц назад в холодном чулане Пходочхона. Не тронутые влагой белёсые русские буквы бежали слева направо: нагло, неправильно для этого мира, выдавая с головой ту, кем она быть не имела права.

Хорошо хоть полезла проверять котомку сейчас, в темноте у очага, а не под носом у своего конвоира.

Она поднесла раскрытый блокнот к горячему глиняному боку жаровни. Белые строчки про июльский автобус, шаманку и сына Сашу начали бледнеть, таять, как утренний иней на камнях, пока страница снова не стала ровно-серой и пустой между столбцами туши.

Учётная книжка обычной казённой девки. Никакой крамолы.

Прямо над её головой, там, где за глиняным сводом топки начинались горячие каменные плиты господской комнаты, глухо и требовательно стукнули два раза. Столичный господин не спал и ждал свой кипяток — кабацкому вареву он брезговал доверять даже в мелочах.

Сольби быстро сунула блокнот в сухой узелок с запасными тряпицами, привычным движением одёрнула грубую юбку и подхватила с углей закопчённый медный чайник. Взгляд сам собой сделался пустым и покорным.

Выбираться из прокопчённой полуподвальной топочной наверх было то ещё удовольствие. Едва она толкнула плечом скрипучую заслонку и ступила на крытый настил, в лицо ударил сырой ветер и густой, тошнотворный перегар дешёвого рисового вина.

Под навесом у общей комнаты, сгрудившись вокруг большой жаровни, сидело человек шесть из купеческого обоза, с которым они тащились из столицы последние три дня: мордатые охранники с дубинками и старшие носильщики. Отсыревшие, развезённые, они резались в кости и оглушительно гоготали.

Из приоткрытой двери дальней каморки для челяди доносилась глухая возня, прерывистое сопение и тонкий, затравленный девичий всхлип. Сольби крепче стиснула ручку чайника. То ли хозяйскую рабыню зажали на соломе, то ли ту пятнадцатилетнюю дурочку, которую купец-ткач вёз в Ансон на перепродажу. Никто даже головы не повернул. Обычное дело. Собачья свадьба под дождём.

— О-о, гляньте, казённая недотрога выползла! — рябой детина со шрамом через губу смачно сплюнул скорлупу печёных каштанов под ноги Сольби. — Эй, лекарка, брось ты свой чайник! Иди ко мне под плащ, у меня в штанах такой корень женьшеня опух — до утра растирать будешь!

Компания взревела от восторга. Чья-то грязная пятерня потянулась к подолу мокрой юбки.

Сольби не подняла глаз от пола и даже шага не сбавила. Только плавно, заученным за годы движением сместила бедро в сторону, так что пьяные пальцы схватили пустоту, и ещё ниже опустила голову, пряча лицо в тени платка.

Она быстро осознала правила этого мира, когда в неурожайный год родной отец этого тела, задолжавший зерно по казённой ссуде, отдал её в уездную управу рабыней в счёт долга.

Из уездной управы её переправили в столицу, где восьмилетней соплёй, оказавшись на заднем дворе Лекарского ведомства Хеминсо, она впервые увидела, что делают с бесправными казёнными девками. Тогда же дала себе слово: её по соломе валять не будут.

Она стирала пальцы в кровь о гранитные ступки, зубрила проклятые иероглифы, отмывала лежачих, меняла гнилые повязки в заразных бараках за городом, бралась за самую грязную работу — лишь бы заметили, лишь бы запомнили: эта нужна при больных. Эту нельзя отдавать куда попало. Медицинские знания из прошлой жизни не сделали её свободной, но помогли стать слишком полезной, чтобы ею бездумно распоряжались.

Со временем её начали привлекать к дознаниям: обследовать женщину, разобрать следы побоев, обмыть и осмотреть мёртвое тело. Сначала одалживали у Лекарского ведомства на день-другой, а затем и вовсе приписали к сыску. Лечить она не перестала — просто теперь от неё чаще требовали объяснить, отчего человек умер.

Зато пока она при исполнении и числится за столичным чиновником, в открытую лапать её эти шакалы не посмеют: побоятся палок за порчу государева имущества. А если всё же рискнут — у неё есть весьма сомнительное право защищать казённый инвентарь. То есть саму себя.

У крайней двери Сольби бесшумно скинула размокшие соломенные туфли, опустилась на колени и тихонько кашлянула, прежде чем тронуть бумажную створку:

— Господин Со, я принесла воду.

— Войди и закрой плотнее, — раздалось изнутри.

В крошечной господской комнатушке стоял тёплый дух нагретой промасленной бумаги и жжёного кунжутного масла. После общей половины, провонявшей кислым супом, здесь было почти стерильно.

Со Инсок сидел в самом тёплом углу у глухой стены, безупречно прямой — словно и на ночлеге не вытаскивал бамбуковую палку из задницы. Верхний дорожный халат и шляпа висели на деревянной стойке без единого пятнышка грязи. Когда только успел отчистить? Сам он остался в белоснежном нижнем одеянии, подчёркивавшем сухую, поджарую фигуру. На низком лакированном столике в медной плошке ровно теплился фитиль, выхватывая из темноты резкий профиль с высокой переносицей и узкие холодные глаза. Тёмная короткая бородка, подстриженная так ровно, будто он вымерял каждый волосок, окаймляла острый подбородок и тонкие губы.

Двадцать пять лет парню, подумала она, пока ставила чайник на край столика и привычно, по-сестрински, скользила по нему взглядом. Всего на восемь лет старше её Сашки. В столичной управе писари пугали друг друга его именем как холерой: королевский прокурор, гениальный сыщик, цепной пёс государя, сгноивший в тюрьме целую пачку вельмож. Неподкупный, безжалостный и бескомпромиссный.

А вблизи — обычный заносчивый барчук-отличник с каменной челюстью и нервным истощением. Тени под глазами — хронический недосып. Скулы желтоватые — жёлчный барах-

лит на сухой пайке? Подержать бы недельку на овсянке и отваре шиповника. И спать укладывать по часам.

— Сядь ближе к свету. Я не намерен кричать через всю комнату, чтобы меня слушали пьяные свиньи за стеной, — не поднимая глаз от разложенного на коленях свитка, ровно произнёс Инсок.

Сольби послушно пересела на полшага вперёд, аккуратно сложив руки с коротко остриженными, вычищенными ногтями на коленях.

Господин Со наконец отложил свиток и поднял на неё тяжёлый, немигающий взгляд. Несколько секунд он молча изучал её лицо, мокрые пряди на висках и синеватые от холода запястья.

— Завтра на рассвете обоз уйдёт на юг по большому тракту, — тихо заговорил он под гул ливня. — Дальше мы пойдём врозь. Ты направишься сразу в предгорья Чхильхёнсан, в усадьбу Чхонсим. Выйдешь с первыми петухами, возьмёшь вьючного мула с аптечным коробом. Здесь предписание столичного Лекарского ведомства.

Он кивнул на лежащий на столике сложенный пакет с оттиском квадратной красной печати.

— Для обитателей усадьбы ты лекарка, присланная по прошению госпожи Сон. Она ещё с зимы забрасывала уезд жалобами, требуя приставить к сыну постоянного лекаря. О твоём прибытии её уведомили. Тебя там ждут.

— Ждать-то ждут, господин, — негромко ответила Сольби, глядя на белую тесьму его воротника. — Только вряд ли обрадуются. Всё-таки сын государя, пусть и в опале. А ему вместо лекаря — казённую девку с коробом трав.

— На это и расчёт, — невозмутимо ответил Инсок. — Пусть увидят в твоём назначении оскорбление, а не повод искать подвох. Решат, что в столице отделались тем, кого не жалко послать.

— И это, по-вашему, убережёт меня от щепотки крысиного яда в утренней похлёбке? — выпалила Сольби, прежде чем успела прикусить язык.

— Первое время. Если не дашь другого повода, — не моргнув глазом, отрезал Инсок. — Мне сказали, что у тебя нюх на яды лучше, чем у старых ищеек из Пходочхона, так что используй его и свою голову, Сольби. Им нет смысла травить тебя в первый же день. В лекаре госпожа Сон нуждается отчаянно. Но если она или её челядь заподозрят в тебе сыскную дамо, тогда да — тебя придушат на заднем дворе в тот же миг. Поэтому сиди тихо и не вздумай совать нос ни во что, кроме котла с отваром, пока я не приеду. Сама решений не принимай. Ни во что не вмешивайся. Только наблюдай, заводи знакомства, втирайся в доверие. Тебе всё ясно?

— Предельно, господин.

Он сделал короткую паузу и чуть подался вперёд так, что свет пламени скользнул по его резким скулам.

— Я сперва заверну в уездную управу Ансона. Нужно поднять податные списки, узнать, кто из столичных гонцов менял лошадей на почтовой станции в последний месяц, проверить, чем дышит уезд, и выяснить, от какой такой внезапной хвори две недели назад скончался прежний казённый смотритель. В усадьбу я прибуду в лучшем случае через пару дней.

— С обыском, господин?

— С обыском туда поедут палачи Королевского трибунала, если мы с тобой провалимся, — пальцы Инсока, длинные и чистые, с твёрдой мозолью на среднем от кисти для письма, легко коснулись края медного чайника. — Неделю назад в столице взяли человека с письмами. Из них следует, что вокруг лишённого титула принца зреет заговор, а в усадьбе Чхонсим только и ждут сигнала, чтобы поднять мятеж против государя.

Сольби едва заметно вздрогнула. Вот оно что. То-то они тащились из Ханъяна с купеческим караваном, не заезжая на казённые станции, как пара беглых каторжников.

— Когда при дворе кому-то очень хочется извести опального принца, доказательств обычно не ждут, — осторожно заметила Сольби, не поднимая глаз от его воротника. — Посылают самую быструю лошадь с ядом — и дело с концом. Зачем такие сложности, господин?

— Затем, что на троне сейчас сидит не мясник, — жёстко отчеканил Инсок. — И ты прикусишь свой непомерно длинный язык, Сольби, если хочешь сохранить голову на плечах. Его величество не станет убивать собственную кровь по первому доносу. Особенно если этот донос попал в руки министров слишком вовремя. Он желает знать правду: втянуты ли госпожа Сон и её сын в эту грязь на самом деле, или их именами прикрываются чужие люди, чтобы заставить государя казнить невиновных. Времени у нас в обрез. Министры давят с каждым днём всё сильнее.

Он едва заметно выдохнул, снова перевёл взгляд на чайник и заговорил прежним, деловым тоном:

— Я еду туда на место покойного старика — новым смотрителем от Дворцового казначейства. Буду жить на мужской половине, пересчитывать казённый рис, выдавать жалованье страже и изображать занудного счетовода, сосланного в глушь за буквоедство. Выставить меня за ворота госпожа Сон не посмеет — у меня предписание с дворцовой печатью. Но ненавидеть меня и прятать концы в воду начнут с первого же шага. Поэтому с той минуты, как я въеду во двор усадьбы, Сольби, ты меня впервые видишь. Наше с тобой знакомство осталось здесь, на этом постоялом дворе.

— А если вас узнают, господин?

Он неожиданно резко поднял на неё глаза, с секунду помолчал, а затем спросил с какой-то мягкой снисходительностью в голосе:

— Ты сама узнала меня при встрече?

— Мне сказали, к кому я приставлена, — пожала она плечами.

— Вот именно, — кивнул Инсок, и на его губах мелькнула тень то ли горькой иронии, то ли презрения, но тут же пропала.

— Я — это не показатель, господин. Ваше имя в столице знает каждая собака.

— Имя, — медленно повторил он и снова уставился на чайник, на медном боку которого трепетало отражение пламени. — Госпожа Сон покинула двор много лет назад. Мы с ней не встречались, и в лицо она меня знать не может.

— А её люди?

— Вряд ли, но в любом случае я не собираюсь въезжать во двор с объявлением, кто я такой. Для них я Ким Чунхо, новый казённый смотритель. Это имя стоит в предписании. И тебе лучше запомнить его сейчас, Сольби.

Она лишь покорно опустила голову, решив про себя больше не донимать его вопросами. Если господин королевский прокурор так уверен в себе, кто она такая, чтобы указывать ему на очевидное и предлагать, по крайней мере, достать пресловутую палку, чтобы хоть издали походить на счетовода.

— Если через неделю я не появлюсь, не пытайся выяснять, что со мной. Продолжай лечить больного. В предписании указано, что через три месяца ты обязана вернуться в столицу с докладом.

— А если с вами что-нибудь случится уже в усадьбе?

— Не пытайся меня выручить и не выдавай нашего знакомства. Дождись срока и возвращайся в Ханъян. Найдёшь моё подворье в Южном квартале, у подножия Намсан, спросишь домоправителя Чо. Он предупреждён и отдаст тебе пакет. Что делать дальше — прочтёшь внутри. Запомнила?

— Да, господин.

Инсок немного помолчал, разглядывая её сгорбленную фигуру, затем едва заметно поморщился.

— Как твоё тело после трёх дней пешего хода? Лихорадки нет?

Внутри Сольби усмехнулась, но внешне оставалась безучастной. Одиннадцать лет — достаточный срок, чтобы привыкнуть носить лицо, словно мёртвую маску.

— Благодарю за заботу, господин, но казённое имущество в полном порядке, — спокойно произнесла она, и в её тихом, безупречно почтительном голосе прорезалась та самая сухая, колючая нотка, за которую её недолюбливали столичные писари. — Выносливости мне хватит. Если господин переживает, что лекарка свалится в обморок при виде недоброго взгляда и выдаст его — напрасно.

Глаза Инсока чуть сузились, губы дрогнули, словно он прятал улыбку. Наверное, именно этим мальчишка и подкупил её всего за несколько дней знакомства. Другой на его месте уже пустил бы в ход палку за один только её прямой, совсем не рабский взгляд. А этот пыжится, важничает, но даже голоса на неё ни разу не повысил. И одежду себе вон сам себе чистит, и чаи заваривает, и, хвала Небу, не ссыт в кувшин по ночам. Редкий экземпляр для местного паноптикума.

— Рукав подними, — коротко велел он. — Правый.

Сольби на миг замерла, но подчинилась, оттянув грубую мокрую холстину до локтя. Вдоль её предплечья, плотно притянутый к коже узкими кожаными ремешками, темнел плоский деревянный пенал, из которого торчала обмотанная шнуром рукоять короткого ножа — не дамской игрушки с серебряными висюльками, а остро отточенного клинка с гладким узким лезвием, каким лекари вскрывают глубокие нарывы, а мясники на бойнях перерезают жилы.

— Отвороты рукавов.

— Господин опасается за свою жизнь? — снова не удержала она свой поганый язык.

Господин не ответил и даже не моргнул — смотрел на неё с лёгким прищуром и терпеливо ждал выполнения приказа.

Она помедлила, потом достала из обшлага крошечный бумажный свёрток и положила на край стола.

— Дальше.

Пришлось вынуть шпильку. Мокрые волосы тут же рассыпались по плечам. Инсок перевёл взгляд с её лица на тёмное остриё.

— Что на ней?

Она дерзко промолчала.

— Я спросил не для того, чтобы самому проверять, Сольби.

— Аконит.

Он медленно достал платок и, взяв им шпильку, поднёс остриё к язычку пламени в плошке. Секунда, две, три — остриё раскалилось докрасна, тонкий маслянистый налёт зашипел, испустив едкий, сладковато-травяной запах. Инсок дождался, пока дымок рассеется, тщательно вытер закопчённый металл о платок, который тут же полетел в стоящую рядом жаровню, и молча вернул шпильку на место.

— Всё? — спросил он.

Она показала пустые ладони.

— Сольби.

Та самая интонация. Медсестра Лена так произносила фамилии санитарок, когда под чистыми простынями на обходе снова обнаруживались грязные.

Она мысленно чертыхнулась и поддела ногтем край собственного воротничка. Из плотного шва легко, как жало, выскользнула длинная трёхгранная игла для кровопускания. Если прижмут в тёмном углу и она могла стать оружием. С тихим звоном игла легла на лакированное дерево рядом с бумажным свёртком.

— Теперь всё, господин. Остальные иглы и яды в коробе.

— Всё выбросить. Нож снимай. Уберёшь к остальным инструментам.

Сольби невольно прижала локоть к боку.

Инсок заметил.

— У ворот тебя могут обыскать. Увидят нож среди лекарских принадлежностей — спросят, умеешь ли им пользоваться. Найдут под рукавом — спросят, кого ты собиралась им резать. Разницу понимаешь?

— Очень хорошо.

— Тогда снимай.

Ремешок отсырел и не хотел поддаваться. Сольби возилась с ним дольше, чем следовало, чувствуя, как поднимается глухая злость. Конечно. Сначала велят идти одной в чужой дом к заговорщикам, потом отнимают последние средства защиты.

Ножны легли на стол с коротким деревянным стуком. Несколько мгновений слышно было только дождь и раскаты грубого мужского хохота за стеной. Где-то глухо стукнула в хлипкую перегородку чья-то пьяная туша.

Господин Со бросил в простую глиняную кружку щепотку какого-то порошка из собственного дорожного кисета, плеснул кипятка и сделал маленький глоток.

— Останешься сегодня здесь, — глядя в чашку, обронил он. — В углу у двери лежит старая рогожа.

Она моргнула, решив, что ослышалась:

— Господин?.. Но в топочной у очага...

— Прекрати пререкаться, женщина, — отрезал Инсок с такой ледяной интонацией, что у Сольби по спине пробежал холодок. — Мне в поместье Чхонсим нужна рабочая ищейка с ясной головой и целыми руками, а не драная кошка с выбитыми зубами, которую придётся зашивать перед господскими воротами. К тому же я не собираюсь искать тебя по конюшням, чтобы убедиться, что ты не проспала рассвет.

Он коротко взмахнул ладонью, сбивая пламя в плошке, и погружая комнату в густую темноту, пахнущую горелым маслом и дождём.

— Ложись у порога, Сольби. И не смей сопеть громко — я сплю чутко.

Глава 2. Чхонсим

Дорогу в предгорья Чхильхёнсан развезло так, что черти бы ноги переломали. За ночь ливень превратил глинистую колею в рыжее месиво, густое и липкое, как овсяный кисель в больничной столовке. Соломенные туфли Сольби промокли и потяжелели ещё на первых двух ли от постоялого двора, а пальцы ног давно онемели от ледяной жижи. Едва тропа нырнула в безлюдный лес, она первым делом по-бабьи, без всяких церемоний задрала тяжёлую мокрую юбку и заткнула подол за поясной шнурок, открыв заляпанные грязью по колено нижние портки. Идти сразу стало легче, хотя сырые края всё равно противно хлопали по бедрам.

Вокруг — ни души. Только мокрые сосны, облезлые валуны да белёсый туман, ползущий из расщелин.

Сольби с силой дёрнула за повод упрямого мула, который в очередной раз раскорячился посреди лужи, и, убедившись, что лес вокруг пуст, с наслаждением выдохнула:

— Ну чё встал, скотина ушастая? Топай давай, ирод…

Собственный голос прозвучал хрипло и чужеродно. На слове «ирод» язык предательски мазнул по нёбу, превратив твёрдое русское «р» в какое-то кашеобразное, мягкое «ль».

Она поморщилась, потёрла озябшей ладонью скулу и со злостью, раздельно, как на приёме у логопеда, повторила:

— Трактор. Рыба. Хирургия. Тьфу ты, господи...

Чужое горло с непривычки даже запершило. Это тело с рождения лепетало по-здешнему — его связки, язык, сами челюсти были вылеплены под плавные перекаты, придыхания и гортанные смычки, а не под жёсткую уральскую скороговорку. Да и где ей было упражняться в русской речи все эти четырнадцать лет? В казённом бараке под боком у товарок? Мысли в голове ещё текли наполовину по-русски, а вот непослушный рот чужеродные слова коверкал, ленился разжиматься широко, безбожно глотал шипящие и спотыкался на каждом «р». Страшнее этого было только забыть лицо сына.

— Слышишь меня, мерин недоделанный? — упрямо продолжила она, нарочито чётко выговаривая каждую букву и пиная ком глины. — Будешь тормозить — сдам на мыло. Хотя какое тут мыло, прости господи... Мать меня чуть саму шаманке не сдала, когда я у неё помыться попросила. Решила, что в меня дух вселился, который воды требует, представляешь? Средневековье вшивое. Навоз в подоле носят, потом этим же подолом детям морды трут и удивляются, когда те мрут как мухи.

Мул повёл длинным ухом, шумно фыркнул и нехотя переступил копытами, звякнув баночками в аптечном коробе.

— Вот-вот, и я о том же, — мрачно кивнула Сольби, чувствуя, как от грубых, тяжёлых русских слов в груди немного отпускает вчерашнюю злость. — «Всё вы-бро-сить!». Ишь ты, начальник выискался. Прокурор хренов. Сопля столичная, молоко на губах не обсохло, а туда же — шмон устраивать...

Она покосилась на жирные складчатые ростки чемерицы у обочины, потом на размытую ливнем канаву, где вперемешку с молодым съедобным дудником дружно топорщилась свежая резная ботва дикого борца и торчали подмытые водой клубни вёха, и фыркнула.

— Отобрал он у меня аконит, надо же, какая потеря. Да я, милый мой, двадцать лет в больнице отпахала и дачу под Сысертью держала. Я тебе тут, не сходя с тропинки, за полчаса такой букет нарву и в котелке запарю — всем поместьем будете месяц дристать дальше, чем видеть, и никакие столичные светила не откачают.

Мул снова мотнул башкой и протяжно, жалобно всхрапнул, словно заранее сочувствуя обитателям усадьбы Чхонсим.

— То-то же, — резюмировала Елена Николаевна, перехватывая верёвку поудобнее. — Хоть один умный мужик на всю провинцию Кёнгидо попался, и тот — осёл. Ладно, шагай. Пришли, кажется.

Туман впереди поредел, открывая узкую котловину, зажатую между двумя угрюмыми скалистыми гребнями.

Усадьба Чхонсим не походила на те воздушные загородные павильоны знати, какие Сольби пару раз видела в окрестностях столицы, когда её водили на обыски женских покоев. Высокая глухая стена из дикого серого камня, потемневшая от вечной сырости, тяжёлая черепичная крыша над массивными главными воротами, узкие бойницы по углам. Не дом — каменный мешок. Золочёная клетка для государственного преступника, которого и казнить нельзя, потому что кровь королевская, и выпустить страшно.

Она глубоко вдохнула сырой воздух, разом гася в себе и русскую речь, и екатеринбургскую медсестру. Привычным движением выдернула из-за пояса подоткнутый подол и расправила грубую холстину до самых щиколоток. Плечи поникли, спина ссутулилась, подбородок ушёл в мокрый воротник. На подходе к поместью из тумана вынырнула уже не Елена Волкова, а забитая казённая девка Сольби.

У главных ворот, под навесом караульной будки, чадила глиняная жаровня. Трое стражников в помятых безрукавках и промасленных от дождя войлочных шляпах откровенно маялись от безделья: двое лениво жевали сушёного минтая, а третий, развалившись на связке соломы, ковырял щепкой в зубах. Похоже, без покойного смотрителя охрана совсем распустилась.

— Стой! Куда прёшь, слепая? — рявкнул тот, что со щепкой, лениво поднимаясь и перегораживая дорогу древком алебарды. — Главные ворота для кого поставлены?

Сольби тут же согнулась пополам, низко кланяясь и вытягивая перед собой обеими руками свёрток из промасленной бумаги.

— Простите неразумную, господин стражник. Я из столицы, от Лекарского ведомства. Прислана по прошению госпожи Сон для ухода за молодым господином. Вот предписание.

Старший — мордатый, с одутловатым от дешёвой браги лицом — брезгливо выдернул бумагу, развернул и долго, важно хмуря кустистые брови, водил грязным ногтем по столбцам. Судя по тому, что лист он держал вверх ногами, грамоте служивый обучен не был, но квадратную красную печать ведомства узнал безошибочно.

— Лекарка, значит... — протянул он, возвращая бумагу, и жадно стрельнул глазами по вьючному коробу. — А ну показывай, чего везёшь. Порядок такой — не положено без досмотра.

Сольби покорно откинула крышку плетёного короба. Стражник подошёл вплотную, обдав перегаром и вонью тухлой рыбы, сначала без церемоний, грубо и привычно хлопнул ладонями по бокам лекарки, провёл по поясу, сжал оба рукава от плеча до самых запястий — как раз там, где ещё вчера вечером крепились кожаные ножны. Не найдя на теле ничего интересного, стражник запустил пятерню в короб. Поворошил мешочки с сушёными кореньями, звякнул глиняными склянками и вдруг вытянул за обмотанную шнуром рукоять её нож.

— Ага! — осклабился он, поворачиваясь к приятелям. — Глядите-ка, с какой железякой к нам столичная пташка пожаловала! Уж не резать ли кого собралась, девка?

— Что вы, господин, помилуйте, — тихим, бесцветным голосом зачастила Сольби, глядя ему в грудь. — Там рядом в холщовой скатке и пилка костяная лежит, и крючья для гнойников, и иглы для кровопускания. Как же без ножа нарывы вскрывать да гнилое мясо у хворых срезать? В прошлом месяце в столице у одного стражника ногу от паховой гнили раздуло, так я этим самым ножом...

Она не договорила. Стражник, живо представивший себе описанную картину, суеверно сплюнул и с таким отвращением отбросил нож обратно в короб, словно тот был обмазан проказой, а потом ещё и вытер ладонь о собственные штаны.

— Тьфу, падаль лекарская... Закрывай свой гроб! — он махнул рукой в сторону низкой, обитой позеленевшим железом боковой калитки в стене. — Вон туда мула веди, во внешний двор. Привяжешь у дровяника и стой столбом, пока старшая дама с женской половины не выйдет. И смотри у меня, шаг в сторону сделаешь — шкуру спущу!

Сольби снова поклонилась и завела мула в узкий проход.

Тяжёлая калитка захлопнулась за спиной с глухим железным лязгом, отрезая внешний мир, а с неба снова стал накрапывать мелкий, противный дождь.

***

Она оказалась на длинном, мощённом неровным булыжником хозяйственном дворе. Справа тянулись конюшни и сараи, слева — приземистые бараки для челяди и высокая стена, отделявшая господские покои.

И здесь было странно, неправильно тихо.

В обычной богатой усадьбе на заднем дворе всегда кипела жизнь: переругивались кухарки, визжали поросята, стучали колотушки прачек, сновали с вязанками хвороста мальчишки-посыльные. Здесь же люди двигались как немые тени. Двое старых рабов молча тащили бадью с помоями, не поднимая глаз; худая девка у колодца набирала воду с таким лицом, будто её завтра поведут на казнь. Ни смеха, ни перешёптываний. Только шум ветра да глухое карканье вороны на старой хурме.

Привязывая мула под навесом у дровяника, Сольби скосила глаза в дальний угол двора, к небольшому отдельному флигелю с решётчатыми окнами. Судя по расположению у самых ворот — то самое жильё казённого смотрителя.

Двери флигеля были наглухо заколочены свежими сосновыми досками, прямо под порогом и вокруг крыльца земля белела от густо рассыпанной древесной золы, а поперёк досок чернел перевитый углём карантинный соломенный жгут. Так в Чосоне засыпали места, где стоял чумной барак или где человек умер от «дурной, чёрной крови» — горловой или кишечной кровоточивости.

Елена Николаевна мысленно усмехнулась, пряча руки в рукава и делая в голове пометку. От внезапной хвори скончался старик, значит. И хворь такая заразная приключилась, что даже доски не пожалели заколотить, пока новый чиновник из столицы не приехал. Интересно девки пляшут.

— Ты, что ли, из Лекарского ведомства?

Голос раздался слева — сухой, трескучий, как ломающийся валежник, и привыкший командовать.

Из внутренних ворот, ведущих на женскую половину, вышла пожилая женщина под широким зонтом из промасленной бумаги, который держала над ней совсем юная, лет четырнадцати, и до синевы бледная служанка — тонкошеяя и угловатая, как весенний воробей. Сама старшая держалась и одевалась отнюдь не как деревенская ключница: тёмно-зелёное шёлковое чогори без единой складки, пышная тёмно-синяя юбка и уложенные по строгому дворцовому канону волосы — волосок к волоску на прямом проборе, с массивной серебряной шпилькой в тугом узле на затылке. Бывшая придворная дама — сангун.

Она остановилась в трёх шагах, брезгливо приподняв подол юбки над мокрыми камнями, и смерила Сольби хмурым, неприязненным взглядом выцветших глаз. Губы старухи тонко скривились.

— Госпожа Сон просила прислать лекаря из дворцового ведомства, — процедила она, не скрывая отвращения. — А нам шлют грязную казённую девку, от которой за пять шагов несёт конюшней и псиной. В столице что, все настоящие лекари вымерли?

— Простите великодушно, — Сольби тут же бухнулась на колени прямо в холодную лужу, всем видом изображая крайнюю робость. — Мужчинам низшего ранга не дозволено входить на внутреннюю половину к благородной госпоже без особого указа, а старшие лекари все при дворе государя заняты. Меня выбрали, потому что я в своём деле толк знаю. Обучена хорошо и опыт имеется — пять лет при грудных да горячечных состояла.

Дворцовая дама долго молча сверлила её макушку взглядом, словно пыталась просветить череп насквозь.

— Как зовут?

— Сольби, госпожа.

— Слушай меня внимательно, Сольби, — старуха шагнула ближе, так что Елена Николаевна увидела мелкую сетку морщин у её плотно сжатого рта и жёсткую бородавку на подбородке. — Я старшая придворная дама Его Величества, и даже в этой глуши своего чина не слагала. Ко мне будешь обращаться по званию — О-сангун. В этом доме я вижу всё и слышу всё. Здесь нет ни столичных порядков, ни твоих прежних хозяев. Твоё дело — варить отвары, ставить иглы и молчать. Посмотришь не туда — выколю глаза. Сболтнёшь за воротами хоть слово о том, что видела внутри, — язык вырву клещами и собакам выброшу, а в уезд отпишу, что ты в горах со скалы сорвалась. И никто тебя, безродную тварь, искать не станет. Поняла меня?

— Поняла, О-сангун.

— Поднимайся. В таком виде к молодому господину я тебя и не подпущу — ещё заразу какую с тракта притащишь, — старуха коротко повела подбородком в сторону низенькой пристройки у кухонной топки. — Живо в мыльню. А ты, Пуни, скажи дворовым, чтобы короб с мула сняли и под навес унесли, я потом сама каждую склянку перетряхну.

Сольби покорно склонила голову и первой шагнула к пристройке, прижимая к груди узелок с запасным бельём, где на самом дне лежал серый казённый блокнот.

Внутри тесной мыльни было полутемно, тянуло сырым камнем, остывшей золой и прелой соломой. В углу стояла большая деревянная кадка с ледяной колодезной водой и миска с серыми рисовыми отрубями. Она думала, что старуха останется снаружи под зонтом, но новоявленная госпожа О шагнула следом, плотно притворила за собой низкую деревянную дверь и встала у порога, скрестив руки на груди.

— Раздевайся. Всё до нитки на пол, — скомандовала она.

Сольби молча распустила ленты мокрого чогори, скинула тяжёлую юбку и нижние портки, оставшись перед дворцовой дамой в чём мать родила. От холода кожа моментально пошла пупырышками, пальцы ног свело на мокрых досках.

О-сангун не просто смотрела — она буравила её взглядом опытной тюремщицы. Подошла вплотную, не брезгуя, взяла сухими цепкими пальцами за подбородок, повернула лицо к тусклому свету, пробивавшемуся сквозь щель в ставне. Заглянула за уши, велела открыть рот, проверила дёсны и язык — не гнилые ли, нет ли признаков дурной хвори. Потом бесцеремонно взяла за запястья, вывернула руки ладонями вверх, скользнула взглядом по предплечьям.

Сольби мысленно вознесла хвалу всем богам и лично господину прокурору. Если бы она сняла ножны не вчера вечером, а перед самой усадьбой, как собиралась, остались бы отчётливые вмятины от ремешков и лежать бы ей сейчас за забором под слоем золы, рядышком с прежним казённым смотрителем.

Один — ноль в твою пользу, мальчик.

— Повернись, — велела госпожа О.

Осмотрев спину и убедившись, что ни чирьев, ни свежих следов от палок или клейма беглой на девке нет, старуха зацепилась взглядом за тугой узел волос на затылке Сольби.

Лицо дворцовой дамы моментально вытянулось.

— Ты замужем? — жёстко спросила она.

— Нет, госпожа, — тихо ответила Сольби. — В лекарском бараке замуж не пускали — некому за больными ходить.

Рука старухи метнулась вперёд с неожиданной для её лет быстротой. Пальцы больно вцепились в мокрые пряди, и госпожа О одним резким движением выдернула из причёски длинную тёмную шпильку.

Тяжёлые сырые волосы Сольби тут же рухнули на голые плечи и спину.

— Не замужем, а волосы закалываешь, как благородная госпожа или продажная девка из дешёвого кабака? — прошипела старуха, поднося шпильку к самым глазам. — Кто дозволил бесправной девке попирать обычаи в доме королевской крови?!

— Простите, О-сангун! — Сольби вжала голову в плечи. — И в мыслях не было гордыни. Эту шпильку мне старый наставник в Лекарском ведомстве дал, когда я при заразных бараках работала. С распущенной косой над гнойными да рвотными наклоняться — только хворь на волосах разносить, вот и велели подбирать повыше...

Дама даже слушать не стала. Она шагнула к узкой полоске света у ставни и медленно, прищурившись, повертела потемневшую медную шпильку в пальцах. Провела ногтем по заострённому концу, где ещё вчера чернел маслянистый слой аконита, а теперь виднелась лишь едва заметная матовая тусклость от свечной копоти. Старуха даже поднесла остриё к тонкому породистому носу и принюхалась — но металл пах только дешёвым головным маслом и дождём.

Два — ноль, мальчик.

Госпожа О поджала тонкие губы, явно разочарованная тем, что не нашла к чему придраться всерьёз, и сунула шпильку в отворот своего рукава.

— В этом доме незамужние девки ходят с косой, подвязанной простой тряпицей. И никаких острых железок при себе — к молодому господину ты даже с медной булавкой не подойдёшь. Иглы для лечения будешь получать под счёт перед осмотром и сдавать мне лично в руки. Всё поняла?

— Да, О-сангун.

Взгляд старшей дамы упал на тощий дорожный узелок из промасленной от дождя ткани, который Сольби положила на край сухой лавки. Она шагнула к нему и ловко, двумя пальцами развязала узел.

У Сольби неприятно засосало под ложечкой.

Старуха брезгливо поворошила нехитрый скарб: сменные портки из неотбелённой конопли, пару заштопанных на пятках носков, свёрток чистых холщовых тряпиц для женских дней да дешёвый деревянный гребень с частыми зубьями. Вывернула бельё, прощупала рубцы и пояски — не зашито ли чего. И наконец вытянула со дна плотную серую книжицу, перетянутую по корешку суровой ниткой.

— Это что такое? — сухо спросила госпожа О, разглядывая обложку.

— Подотчётная опись, О-сангун, — ровно ответила Сольби, глядя на её скрюченные пальцы, заскользившие по страницам. — Казённое имущество из аптечного короба. Какие травы и коренья со склада в Ханъяне выданы, сколько долей в уезде израсходовано. Велено беречь пуще глаза и по возвращении сдать писарю в ведомстве под расписку.

Дворцовая дама поднесла книжицу ближе к свету у щели в ставне. В отличие от мордатого стражника у ворот, читать она умела — и не только простонародное письмо, но и казённые иероглифы. Её выцветшие глаза бегло пробежали по ровным вертикальным столбцам туши: «Корень дудника сушёный — четыре связки. Полынь горькая — пять пучков. Желчь медвежья...»

Старуха перелистнула ещё пару страниц, увидела внизу оттиск учётной печати столичного склада и недовольно поджала губы. Забрать или бросить в котёл документ с государевой печатью даже всесильная домоправительница не смела: казённое имущество Лекарского

ведомства ей не принадлежало, а лишние вопросы от уездных ревизоров в этом доме никому были не нужны.

Она с сухим хлопком захлопнула книжицу и бросила её обратно поверх деревянного гребня. Сольби тихонько выдохнула, только теперь осознав, что всё это время практически не дышала.

— Своё бельё из узелка можешь оставить, оно чистое. А то тряпьё, что на тебе было, — в топку. Мойся. И как следует. На лавке лежит чистая холщовая пара — наденешь её. Да живо, у меня нет времени ждать, пока ты тут прохлаждаешься!

Дверь хлопнула.

Сольби подняла голову, расправила плечи, криво ухмыльнулась в полумрак и потянулась к ковшику.

Тоже мне, напугала ежа голой задницей. Знаем мы таких «старших по отделению». У них в первой городской точно такая же главная медсестра сидела, Зинаида Павловна: ни семьи, ни детей, ни котёночка в доме, вся жизнь — устав, журнал учёта спирта да священный трепет перед главврачом. И взгляд один в один — казённый, въедливый, будто ты у неё лично из кармана десятку стащила.

Посмотрим ещё кто кого, старуха. Одна мной уже подавилась, авось и тебе поперёк горла встану, церберша в юбке.

Она зачерпнула сводящую зубы колодезную воду и с ожесточением принялась тереть плечи горстью мокрых рисовых отрубей.

Глава 3. Госпожа Сон Тогим

Когда Сольби толкнула разбухшую дверь мыльни и шагнула наружу, ей пришлось зажмуриться. От утренней хмари не осталось и следа. Над мокрыми черепичными крышами в промытой синеве вовсю светило по-весеннему щедрое солнце. От нагретых камней и чёрных сосновых стволов поднимался лёгкий золотистый пар, в кустах заливались какие-то мелкие пичуги, а воздух после грозы сделался таким чистым и вкусным, хоть ложкой ешь.

Сольби на ходу доплетала влажную тяжёлую косу, перетягивая кончик выданной полинялой тряпицей. Чужая холщовая пара сидела мешком, пахла золой и немилосердно кололась, но, по крайней мере, была сухой.

Госпожа О уже ждала на вымощенной плоским камнем дорожке, а за её спиной маячила бледная Пуни со свёрнутым зонтом и отобранным у Сольби узелком в руках.

Они двинулись вглубь усадьбы — не через парадный двор, а узким боковым переходом вдоль высокой фигурной стены, отделявшей хозяйственные службы от внутреннего сада и павильонов молодого господина.

Черепичный козырёк утопал в тяжёлых лиловых гроздьях дикой глицинии, свешивавшейся прямо на камни дорожки. С намокших соцветий на серый плитняк лениво срывались редкие крупные капли, а от прогретой солнцем земли поднимался густой, сладковатый дух молодой зелени и прелой хвои. Всю эту тихую весеннюю идиллию портила только сама госпожа О, вышагивавшая впереди с грацией тюремного надзирателя на утреннем обходе.

— Иди след в след и смотри под ноги, — вполголоса чеканила она, не оборачиваясь. — Сейчас предстанешь перед её милостью госпожой Сон. Говорить только тогда, когда спросят. Голос не повышать. Если её милость сочтёт тебя негодной — до вечера за воротами окажешься.

За поворотом дорожки, там, где в глухой каменной кладке темнело круглое решётчатое окно, выходившее в сад, старшая дама вдруг резко осеклась и замерла. Прямо под окном на мокрых камнях стояли две брошенные бадьи с прачечным бельём. А над ними, прильнув носами к деревянной решётке и бесстыдно задрав пятки, висели две молоденькие дворовые девки. Они так увлечённо толкали друг дружку локтями и давились глупым телячьим хихиканьем, что даже не услышали шагов за спиной.

— ...глянь, глянь, рукав закатал! — захлёбываясь шёпотом, шепелявила одна. — Кожа белее рисовой бумаги, век бы глядела...

Лицо старшей дворцовой дамы пошло бурыми пятнами. Челюсти сжались так, что желваки заходили под сухой кожей. Прежде чем она шагнула вперёд, чтобы обрушить на нарушительниц кару небесную, Сольби, повинуясь чистому рефлексу, скользнула взглядом поверх девичьих макушек — туда, в просвет садовой решётки.

За стеной раскинулся залитый солнцем внутренний сад. Над быстрым каменистым ручьём, заросшим мхом и дикой сливой, стояла на сваях открытая шестиугольная беседка с загнутыми к небу краями крыши.

В беседке за низким столиком сидел мужчина. На нём было просторное, слепяще-белое одеяние учёного с широкими рукавами, обшитыми по краю узкой угольно-чёрной каймой. Густые смоляные волосы, собранные под высокой плетёной шапочкой отшельника, неожиданно отливали на солнце тёплой, почти рыжей медью. Он неспешно растирал тушь в каменной тушечнице — движение руки было плавным, текучим, почти гипнотическим. Сольби невольно моргнула. На вид мужчине было чуть за тридцать, но на гладком, будто выточенном из тёплой слоновой кости лице не росло ни волоска — ни усов, ни бороды, положенных здешним мужам его возраста. Черты были до того правильными, с таким точёным разлётом тёмных бровей и ленивым изгибом губ, что у Сольби на миг застрял воздух в горле.

В её прежней жизни с такой породой даже в кино не снимали — такие лица разве что на обложках глянцевых журналов дорисовывали на компьютере. И тут мужчина в беседке замер. Будто ощутив кожей лишнюю пару глаз у стены, он медленно, без всякой суеты повернул голову к решётчатому окну. Косой солнечный луч скользнул под поля его шапочки и ударил прямо в глаза. Они не были чёрными, как у всех вокруг. Светло-карие, почти прозрачные на солнце, цвета старого гречишного мёда или расплавленного янтаря. Хищные, спокойные и совершенно нечеловеческие.

Сердце у Сольби почему-то пропустило удар и глухо бухнуло о рёбра — не от девичьего восторга, куда там. От этого ленивого янтарного взгляда по загривку прошла точно такая же волна первобытной жути, как однажды в детстве, когда в свердловском зоопарке прямо на неё сквозь прутья клетки посмотрел амурский тигр.

— Ах вы, суки паршивые! — свистящим, яростным шёпотом прорезала тишину госпожа О.

Она коршуном налетела на служанок и с силой, какой трудно было ожидать от её сухопарой фигуры, вцепилась обеим в уши, отдирая от решётки и швыряя на колени в мокрую траву. Девки пискнули и тут же вжались лбами в камни, трясясь как осиновые листья на холодном ветру.

— Бельё в чанах киснет, а они опять у садовой стены околачиваются?!

О-сангун не смела кричать в полный голос, чтобы не тревожить покой сада, но от этого её сдавленное шипение звучало ещё страшнее.

— Мало я вас на прошлой неделе розгами полосовала? Забыли, с какой стороны за валёк держаться?!

Она брезгливо стрельнула глазами в сторону беседки. Мужчина в белом одеянии уже потерял к окну всякий интерес и спокойно вернулся к своей тушечнице, будто за стеной жужжали назойливые мухи. От такого царственного равнодушия лицо старшей дамы перекосило ещё сильнее, словно о себе напомнила застарелая зубная боль, которую и терпеть сил нет, и избавиться невозможно.

— Вечером после ужина — обеим по двадцать розог по голым икрам, — отчеканила госпожа О, отвешивая ближайшей девке ощутимый пинок под рёбра носком туфли. — И на две недели на скотный двор, выгребные ямы чистить! Чтобы дурь из башки вонью вышибло! Встать! Марш к корытам, пока я вам по тридцать не прописала!

Служанки, всхлипывая и прижимая ладони к красным ушам, подхватили тяжёлые бадьи и засеменили прочь. Госпожа О тяжело перевела дух, поправила сбившуюся серебряную шпильку и медленно повернулась к Сольби. Глаза её метали молнии.

— А ты чтобы в ту сторону даже дышать не смела, — процедила она сквозь зубы. — Учитель Пэк, наставник молодого господина по каллиграфии и искусствам. Он человек учёный, от мирской суеты далёкий, и госпожа Сон ценит его покой превыше всего. Увижу, что крутишь хвостом возле сада, как эти две полоумные, — розгами не отделаешься. Уяснила?

— Да, О-сангун, — болванчиком закивала Сольби, уперев глаза в землю. — Не докучать господину Пэку. Не смотреть в его сторону. Не отвлекаться от работы. Рабыня всё поняла и запомнила. Рабыне не нужны неприятности.

Старуха посверлила её взглядом ещё секунду, затем нервным жестом расправила складки на юбке и удовлетворённо кивнула.

— За мной иди.

Через низкую боковую калитку они наконец вышли на женскую половину — в просторный внутренний двор, окружённый П-образным хозяйским строением с высокой крышей. Здесь пахло совсем иначе. Не конюшней и не сырой золой, а дорогим прогретым кедром, сухой полынью и тяжёлым, удушливо-горьким духом варящихся лекарственных кореньев.

Под навесом у боковой кухни тихо булькал на печурке пузатый глиняный горшок для отваров, за которым с опахалом в руках следила старая горбатая рабыня.

Госпожа О подвела Сольби к широкому высокому крыльцу главного павильона и знаком велела опуститься на колени прямо на плоский серый камень у нижней ступени, где стояли аккуратно составленные женские туфли из голубого шёлка с загнутыми носками.

Сама старшая дама поднялась на деревянный настил веранды, согнулась в глубоком, исполненном благоговения поклоне перед раздвижными дверями, затянутыми тончайшей белой бумагой, и негромко доложила:

— Ваша милость. Лекарку из столичного ведомства отмыли и переодели. Изволите ли взглянуть на неё?

За бумажной перегородкой послышался звонкий, капризный девичий голосок:

— И охота вам тратить время на чернь, тётушка!

— Помолчи, Юнхва, — мягко, но веско оборвал её второй голос — низкий, грудной и очень усталый. — Открой створку, О-сангун.

Деревянная рама бесшумно скользнула в сторону.

Сольби, не поднимая головы от сложенных на коленях рук, привычно скосила глаза из-под ресниц.

В комнате на тёплом промасленном полу сидели двое. Чуть поодаль, возле лакированного столика с вышиванием, устроилась юная девица лет шестнадцати-семнадцати в ярком весеннем чогори нежно-розового шёлка. Круглолицая, набелённая, с капризно вздёрнутым носиком и густо насурьмлёнными бровями — типичная провинциальная барышня, которой собственная знатность жмёт в плечах.

Но всё внимание Сольби тут же переключилось на хозяйку.

Госпоже Сон на вид было около сорока-сорока пяти, и, в отличие от разряженной племянницы, одета бывшая королевская фаворитка была поразительно скромно: гладкий шёлк цвета увядшей сливы, никаких лишних подвесок, в тугом узле волос с проседью на висках — одна-единственная нефритовая шпилька. Лицо осунувшееся, с глубокими тенями бессонницы под глазами и горькими складками у губ, но спина прямая, а взгляд тёмных глаз — трезвый, цепкий и тяжёлый.

Сольби сразу узнала эту породу. Так в жизни смотрят женщины, которые сами выгрызали себе место под солнцем, знали, почём фунт лиха, и не привыкли падать в обморок от вида грязи или крови.

— Подними лицо, — негромко велела госпожа Сон, медленно перебирая пальцами гладкие бусины сандаловых чёток.

Сольби выпрямилась, глядя чуть ниже её подбородка.

Первой не выдержала розовая племянница. Она звонко всплеснула руками и подалась вперёд, брезгливо морща напудренный носик:

— Тётушка, вы только посмотрите на неё! Это же простая девка из низшего разряда! Да ей от роду годков восемнадцать, не больше! И эту нищенку в холстине прислали лечить сына государя?! Это неслыханное оскорбление! О-сангун, гоните её со двора сию же минуту, а в уезд отпишите, чтобы выслали почтенного старца из дворцовой лечебницы!

Госпожа Сон даже головы к племяннице не повернула — только чуть прикрыла веки, словно от головной боли.

— Почтенные старцы из дворцовой лечебницы четырнадцать лет назад уже стояли у постели моего сына, Юнхва, — тихо произнесла она. — Гладили седые бороды, читали молитвы и ждали, когда мой Сун испустит дух. Если бы тогда не появился учитель Пэк с диковинным пекинским снадобьем, мне бы некого было лечить сегодня.

— Но, тётушка! — не унималась девица, гордо вскидывая подбородок. — Вы можете позвать лекаря Чона из Ансона! Он хотя бы из благородного сословия и учился по древним книгам, а не казённая рабыня без роду и племени!

— Лекарь Чон живёт в двадцати ли отсюда, — в голосе госпожи Сон прорезалась глухая, выстраданная жёсткость. — Когда у Суна посреди ночи начинается удушье и он синеет на моих руках, у меня нет пяти часов, чтобы ждать, пока гонец доскачет по размытой дороге до Ансона, а старик Чон соизволит забраться в свой паланкин. Мне нужен человек здесь. За стеной.

Она перевела взгляд обратно на Сольби. Никакой барской истерики в этом взгляде не было — только холодная материнская тревога, от которой внутри всё сжималось.

— О-сангун сказала, ты пять лет ходила за лёгочными в столице?

— Да, ваша милость, — чётко ответила Сольби. — Топила печи, варила отвары, ставила банки и пускала кровь при удушье. Чёрной работы не боюсь и сплю чутко.

— После той детской кори у моего сына остались слабые лёгкие, — госпожа Сон чуть сильнее сжала бусины чёток. — Все эти годы мы справлялись сами, но с нынешней зимы хворь изменилась. Приступы налетают внезапно, чаще под утро, перед рассветом. В груди у него клокочет и свистит так, будто горло перетянуто верёвкой, а на платке после кашля остаётся ржавая кровь. Лекарь Чон говорит, что сырая зима ослабила его ки, но одних прогреваний уже недостаточно.

У Сольби под грубой холщовой кофтой по позвоночнику скатилась холодная капелька пота.

Свистящее дыхание под утро, удушье и «ржавая» мокрота. Если бы это была старая постКоревая хронь, она бы тянулась ровно, с привычной гнойной зеленью по утрам после сна. А вот внезапный утренний бронхоспазм с отёком и ржавой кровью через четырнадцать лет затишья — это либо крупозная пневмония, от которой за зиму он бы уже давно помер, либо сердечная астма, либо... кто-то в этом тихом богоспасаемом доме с зимы очень грамотно травит парня.

— Я поняла вас, ваша милость, — Сольби низко поклонилась, пряча изменившееся лицо. — Мне нужно послушать его дыхание, осмотреть грудь и взглянуть на то, чем он откашливается. И ещё, если дозволите, посмотреть список трав, которые молодой господин принимал с зимы.

Юнхва задохнулась от возмущения:

— Осмотреть грудь?! Да как она смеет даже заикаться о таком! Тётушка, неужели вы позволите этой девке прикасаться к телу принца?!

— Для лекаря нет сословий перед лицом смерти, Юнхва. Ступай к себе и займись вышиванием, у меня от твоей трескотни виски ломит, — отрезала госпожа Сон, устало прикрывая глаза. — Сегодня под утро у Суна снова был тяжёлый приступ. Он уснул только на рассвете, и будить его сейчас я не позволю. Осмотришь сына перед вечерней трапезой, в моём присутствии.

Она повернула голову к старшей даме:

— Вели отнести её короб в каморку при аптечной кухне и отдай ей старые предписания лекаря Чона. Пусть разберёт коренья и подготовит всё к вечеру.

Госпожа Сон задержала взгляд на склонённой спине Сольби и спокойно, без всяких угроз, но так, что мороз по коже продрал сильнее, чем от шипения домоправительницы, добавила:

— В этом мире у меня остался только сын, Сольби. Больше мне терять нечего. Помни об этом каждый раз, когда будешь подходить к его постели.

Раздвижная бумажная створка с тихим шорохом сомкнулась, отрезая полумрак господской комнаты.

Госпожа О спустилась с веранды, окинула Сольби цепким взглядом и коротко бросила застывшей у стены бледной служанке:

— Пуни, отведи её в аптечный закуток и покажи, где вода и жаровни. Да смотри, чтобы со двора ни ногой. Я проверю, как топят в павильоне молодого господина, и принесу списки трав.

Как только прямая спина старшей дамы скрылась за боковой калиткой, ведущей на половину опального принца, Пуни словно сдулась. Плечи девчонки мелко дрогнули, она судорожно перевела дух и, даже не глядя на Сольби, буркнула себе под нос:

— Идём. Короб твой конюх уже туда снёс.

***

Аптечная кухня притулилась в самом углу глухого каменного простенка, ровно посередине между женской половиной и запертой на тяжёлый железный засов калиткой, за которой начиналась мужская половина.

Настоящая мышеловка. Единственное оконце, глядевшее на внешний двор, было намертво забрано ржавыми прутьями. Снаружи — закопчённый навес с тремя глиняными печурками для вываривания зелий да ряды сушильных полок, внутри — низенькая, в три шага длиной, спальная каморка за бумажной дверью. И прямо через тонкую глинобитную стенку — комната самой церберши. Тут не то что ночью во двор выскочить — лишний раз на рогоже перевернуться без ведома «Зинаиды Павловны» не выйдет.

Пуни молча опустила узелок на край дощатого стола и уже потянулась закрыть дверь, но Сольби тихо окликнула её:

— Погоди. Не убегай. Покажи хоть, где тут вода да какие горшки под отвары молодого господина идут, чтобы мне по незнанию не то не схватить. Не хочется госпожу О в первый же день злить. Суровая она у вас.

При упоминании хозяйкиного гнева девчонка вздрогнула всем худеньким, ещё по-подростковому нескладным телом и остановилась. Затравленно оглянувшись через плечо на пустой двор, она мотнула тугой косичкой с вплетённой в конец линялой красной тряпицей — жалким подобием девичьей ленты — и тихонько вздохнула:

— К тем горшкам, что под навесом на крайней печурке стоят, ты пока и не подходи. За ними старая Ким следит, а травы госпожа О лично из кладовой под замком выдаёт.

Она шагнула к бочке с водой у входа, чтобы показать деревянный черпак, и рукав её короткой, явно с чужого плеча холщовой кофты задрался до середины предплечья.

Сольби профессионально зацепилась взглядом за её тонкую, почти детскую руку.

Выше запястья на бледной коже цвели свежие сине-жёлтые пятна — мелкие, но злые, с полукруглыми следами ногтей. Точно такие остаются, когда человека в тихой ярости, чтобы не кричать при господах, щиплют и выкручивают кожу. А на сгибе ладони у основания большого пальца краснел свежий, неряшливо присыпанный пеплом волдырь от ожога — уже воспалившийся по краям.

— Дай-ка руку.

Пуни испуганно отшатнулась, пряча кисть за спину:

— Зачем это?..

— Да не бойся ты, я же лекарка, — Сольби чуть улыбнулась — так, как улыбалась в отделении перепуганным детям перед перевязкой. — Вчера, что ли, угольком из жаровни приложилась? Пеплом зря засыпала, под коркой сукровица соберётся, нарывать начнёт — тогда вообще ни зонт удержать, ни бадью поднять не сможешь. Госпожа О заметит, что ты одной рукой возишься, — ещё сильнее влетит.

Глаза у Пуни увлажнились, а нижняя губа по-детски, жалко задрожала. В этом доме, где все сходили с ума от страха за хозяйского сына, до её обожжённой ладони никому дела не было.

— Ночью, когда у молодого господина опять в груди заклокотало, меня за горячими углями для грелки послали... — шёпотом призналась девчонка, осторожно протягивая руку. — В темноте щипцы соскользнули. А госпожа О утром увидела, что я кувшин криво держу, — думала, я с лени...

— Ясно всё с вашей госпожой О, — покачала головой Сольби. — Потерпи полминутки.

Она быстро присела перед своим аптечным коробом, безошибочно нащупала в боковом гнезде маленькую глиняную баночку с жёлтой мазью на свином жире, сосновой живице и воске, подцепила немного чистой щепкой и осторожно, лёгкими точными пальцами смазала воспалённый волдырь, прикрыв сверху узким лоскутком мягкой белёной ткани.

— До вечера не мочи. К утру краснота спадёт и дёргать перестанет.

Пуни смотрела на аккуратную повязку так, будто Сольби ей только что серебряную шпильку подарила. Плечи девчонки опустились, она шумно шмыгнула носом и вдруг, воровато оглянувшись на калитку, зашептала быстро и горячо — как делятся самым сокровенным с товаркой по несчастью:

— Спасибо тебе. Ты не бойся, у нас тут жить можно, вот увидишь.

— Заметно, — Сольби выразительно приподняла бровь, переведя взгляд на словно вымерший двор.

— Айгу! Да кто ж в своём уме станет высовываться да голос подавать, когда хозяйка за сына молится? Вот все и ходят на цыпочках, — отмахнулась Пуни.

— А руки у тебя тоже от хорошей жизни такие красивые?

— Это… — смутилась девочка. — Это мне одной так не свезло, что госпожа О меня с малолетства при себе держит — у неё хватка железная, чуть не так повернёшься, всю душу выщиплет. А остальным девкам тут не жизнь, а сущая благодать!

Она быстро опустила рукав, пряча синяки, снова стрельнула глазами на пустую калитку и, радуясь редкому слушателю, с искренним воодушевлением затараторила дальше:

— Госпожа Сон-то наша — женщина святая. Прислугу балует. Кормят два раза в день — и не гнилой чумизой с лебедой, а ячменём с просом, а по праздникам, иной раз, даже по куску свинины и плошке белой рисовой каши жалуют! И одёжу зимнюю на вате выдают. А главное, — девчонка понизила голос до заговорщицкого шёпота, — её милость строго-настрого запретила конюхам и стражникам к дворовым бабам и девкам лезть. В позапрошлом году один из караулки зажал судомойку за дровяником, так госпожа Сон узнала — велела всыпать ему двадцать палок и в кандалах в уезд сдать! С тех пор мужики на нашу половину и глянуть боятся.

Сольби про себя облегчённо выдохнула — вот это действительно была хорошая новость. А Елена Николаевна внутри неё ехидно хмыкнула: «Санаторий имени товарища Сон».

Теперь понятно, чего те две дурочки у садовой решётки так беззаботно хихикали: от сытой пайки и того, что за подол никто не хватает. По меркам Чосона — и правда курорт. И почему при такой «хорошей барыне» свирепствует госпожа О — тоже ясно как божий день. Старая как мир игра в доброго барина и злого приказчика: пока «святая женщина» перебирает чётки и жалует холопам кашу со свининой, её верная овчарка с молчаливого хозяйского согласия спускает с них три шкуры по углам.

— Ишь ты, — с почти искренним уважением в голосе протянула Сольби, подталкивая девчонку к продолжению. — В столице в казённом бараке отродясь такого не видывали. А я ещё удивилась, как это стражники у ворот такие смирные, хоть и лаются для порядка, а руки под юбку не тянут. Никто и словом похабным не задел.

— Вот! — Пуни даже от гордости подбородок вскинула. — Ты, главное, котелки чистыми держи да работу споро делай — тогда и пайки не лишат. И не вздумай к садовой стене подходить, где учитель Пэк сидит.

— Да уж видела я, как О-сангун за него уши дерёт, — криво усмехнулась Сольби, приваливаясь плечом к дверному косяку.

— Ой, да тем двум дурёхам ещё крупно повезло, что на них госпожа О наткнулась! — Пуни испуганно замахала здоровой рукой. — Подумаешь, двадцать розог да скотный двор — легко отделались! Вот если бы их там молодая барышня Хан застала... Та — чистая змея!

Сольби мгновенно навострила уши, но спросила самым равнодушным, ленивым тоном:

— Это та нарядная, в розовом? А ей-то какое дело, куда служанки глазеют?

Пуни боязливо вытянула тонкую шею, проверяя, не шуршит ли кто гравием за углом, и выдохнула прямо в ухо новой приятельнице:

— Как какое?! Сохнет она по учителю Пэку, вот какое! С самого приезда вокруг него кругами вьётся. Не приведи Небо, он на кого внимание обратит или заговорит, так всё — барышня Хан ей жизни не даст. По осени горничной Максун плошку крутого кипятка прямо в лицо плеснула — будто та ей чай не так подала, девка на один глаз окривела. А зимой у Талле в тюфяке вдруг хозяйский нефритовый браслет нашли!

— Украла, что ли? — свела брови Сольби, силясь не рассмеяться в голос.

— Да ни в жизнь! — горячо замотала головой Пуни. — Я с Талле на одной рогоже спала, знаю: ничего она не брала! Стала бы она таким тёплым местом да полной миской ради побрякушки рисковать, как же! Просто учитель Пэк за два дня до того платок в ручей обронил, а Талле выловила и подала ему, да улыбнулась на свою беду. Вот барышня Юнхва и велела своей личной девке браслет ей в солому подкинуть. Из ревности! Талле тогда чуть до смерти палками не забили и в дальнюю деревню на соляные варницы продали...

Во дворе за калиткой сухо стукнула деревянная колотушка, и Пуни, спохватившись, испуганно прижала ладошку ко рту:

— Ой, заговорилась я с тобой! Побегу, а то госпожа О с меня шкуру спустит!

Она юркнула за угол, прошелестев соломенными туфлями по камням. Сольби, проводила её долгим тяжёлым взглядом и задумчиво потёрла подбородок.

Пока «Зинаида Павловна» не вернулась с бумагами уездного эскулапа, у неё было минут пять форы.

Она бесшумно шагнула под навес к крайней печурке, где в тени дремала на чурбаке старая рабыня Кым, следившая за огнём. На остывающей глиняной плите стоял пузатый горшок из-под ночного варева для молодого хозяина, а рядом в плоском плетёном решете сушились отжатые жмыхи трав — в рачительном хозяйстве их не выбрасывали сразу, а вываривали по второму разу на более слабый дневной настой.

Сольби склонилась над решетом, делая вид, что поправляет сползшую с края полки сухую тряпицу, и цепким взглядом травницы мазнула по бурой, ещё тёплой гуще.

Ей даже ворошить её не пришлось. Среди разбухших корней платикодона, абрикосовых косточек и ягод лимонника тут и там темнели характерные жёсткие обломки округлых коробочек с зубчатой «коронкой» наверху.

Она едва заметно повела носом. Сквозь пряную горечь обычного грудного сбора отчётливо пробивался тяжёлый, землисто-терпкий дух мака.

— Мать честная... — беззвучно, одними губами выдохнула она от чистого профессионального бешенства.

Конечно, оставался слабый шанс, что этот жмых от какого-нибудь сонного варева для самой хозяйки или бабка у печи просто перепутала свёртки сослепу. Но если ошибки нет... Если вызванное из Ансона уездное светило — «благородный лекарь Чон», за которого так горой стояла Юнхва, — действительно прописал семнадцатилетнему парню с развороченными после кори бронхами ударную дозу опийного мака вперемешку с вяжущими кореньями, то никакие заговорщики с ядом этому дому не нужны.

А ведь с них станется! На здешних светил в шёлковых халатах Сольби насмотрелась досыта ещё в столице. В первый год в Хеминсо ей хватило ума раззявить рот, когда маститый старец велел отпаивать горячечного больного процеженной водицей из выгребной ямы — «для охлаждения внутреннего жара». Получила десять палок по заднице за «дерзость и неуважение к древним канонам», неделю спала на животе и мочилась кровью, после чего заткнулась навсегда. Учёным мужам виднее, от чего больному помирать.

Сольби выпрямилась, привалилась спиной к тёплому глиняному боку печурки и невесело усмехнулась.

В Ханъяне всемогущие министры брызжут слюной у трона и вопят об измене. Государь требует доказательств. Цепной королевский пёс Со Инсок летит в предгорья брать заговорщиков тёпленькими, а бедная дамо обязана рыть носом землю на женской половине. Масштаб, трагедия, тайны мадридского двора на чосонский манер.

И вот она, великая государственная измена во всей красе.

Что она доложит грозному господину Со, когда он через два дня явится в усадьбу?

О да, господин прокурор, заговор тут просто чудовищный, держите штаны! Главная заговорщица — изведённая неврозом и бессонницей мать, которая молится на чётки и боится собственной тени. Её грозный претендент на престол захлёбывается собственной мокротой, потому что дипломированный уездный болван по чистой безграмотности загоняет парня в гроб. А на заднем дворе кипят такие кровавые страсти, что шекспировским злодеям и не снилось: малолетняя дура-племянница да дворовые прачки рвут друг другу косы из-за мутного лощёного прохиндея с тигриными глазами, которому на весь их переворот и женские прелести, скорее всего, глубоко плевать — ведь безбородыми в его возрасте тут ходят разве что скопцы.

Сольби вздохнула, потёрла переносицу и посмотрела на запертую калитку мужской половины, за которой сейчас тяжёлым и, вполне вероятно, маковым сном спал её новый пациент.

Что ж… Кажется, тихо отсидеться за котлом с отваром, как велел господин прокурор, у неё не выйдет уже в первый вечер. Одно дело — не лезть в политику, и совсем другое — молча смотреть, как у тебя на дежурстве гробят человека.

Глава 4. Ли Сун

К вечеру предписания «благородного лекаря Чона» Сольби знала уже почти наизусть.

Госпожа О принесла их через полчаса после того, как убежала Пуни, — бросила на дощатый стол пухлую стопку длинных свитков из дорогой плотной бумаги, сухо велела сидеть смирно, пока не позовут, и ушла. Правда, оставлять столичную девку совсем без присмотра старая церберша не рискнула: приставила к аптечному закутку хромую, долговязую служанку. Та к навесу не приближалась — видимо, заговаривать с чужачкой ей запретили, — но весь день слонялась без дела у садовой калитки, то перекладывая поленья с места на место, то ожесточённо выщипывая сорную траву между булыжниками.

Сольби на соглядатайку плевать хотела. Свои нехитрые пожитки она разложила за десять минут: рассортировала по полкам склянки, перетряхнула мешочки с кореньями, проверила, не отсырели ли в дороге сушёные травы, и засела в своей тесной каморке за чтение.

И чем дальше читала, тем сильнее ей хотелось взять этого уездного эскулапа за жидкую козлиную бородку и отвозить мордой по его же собственным прописям.

Почерк у старика Чона был каллиграфический, с благородными росчерками и завитушками — прямо хоть в рамку вешай. И ровно настолько же безграмотным было содержание. Начинал он за здравие: корень платикодона, кожура мандарина, миндаль, лимонник — классический, проверенный веками сбор для очищения лёгких. Но две недели назад, когда у парня обострился кашель, лекарь вдруг щедрой рукой вписал в рецепт «энсоккак» — высушенные коробочки опийного мака, вымоченные в уксусе и обжаренные на меду. Сначала по полдоли на котёл, потом — по целой, да ещё и в паре с вяжущими корнями пиона и гранатовой коркой! Чтобы царственный сынок не тревожил маменьку ночным кашлем.

Как же это было знакомо. До оскомины, до нервной дрожи в руках, когда кулак сам непроизвольно сжимается и так и хочется вмазать «благородному» коновалу по роже.

В столичном ведомстве за такими «благородными целителями» из числа прогоревших уездных дворян приходилось разгребать постоянно. Государственные экзамены в трёх поколениях провалены, земли за долги перезаложены, а пойти на простую службу янбанская спесь не позволяет. Но кушать-то белый рис хочется! Обложат себя трактатами, нацепят высокую шапку мудреца и ездят в паланкинах по богатым домам — пульс двумя пальцами щупать да о равновесии пяти стихий рассуждать. Чтоб им всем пусто было!

Около полудня, когда солнце пригрело навес, Сольби выбралась из каморки размять затёкшую спину и подсела к крайней печурке, где старая Ким медленно мешала деревянной лопаткой очередное варево.

Сначала глуховатая старуха косилась на неё с привычной рабской опаской. Но новая лекарка не лезла с расспросами: молча взяла на себя тяжёлую ступку, помогла истолочь жёсткие корни астрагала, а потом как бы невзначай пододвинула к её узловатым, распухшим от вечной сырости коленям горячий глиняный кирпич из-под топки. Бабка благодарно кивнула и отвернулась. Тогда Сольби выложила свой козырь — припасённую ещё с дороги дольку томлёной на тёмном меду груши — и протянула старухе маленький свёрток из промасленной бумаги. Та подозрительно глянула на подношение, погладила тёплый кирпич скрюченной пятернёй и сдалась.

Для старой рабыни, за всю жизнь не видавшей ничего слаще пресной ячменной патоки, такое лакомство было сродни чуду. Ким бережно развернула бумажку, отщипнула от липкой янтарной дольки крохотный кусочек и долго смаковала его беззубым ртом, а когда соглядатайка у калитки отвернулась, глухо, надтреснуто прошамкала, глядя в огонь:

— Айгу, жалко мальчонку-то нашего… Днём в полузабытьи мается, ночью задыхается, да одной горечью котловой живёт… Ох, не пережить ему пятой луны, девка, чует моё старое сердце — кличут его духи на ту сторону.

— Так всё плохо? — осторожно поинтересовалась Сольби. — С тюфяка встаёт? В саду гуляет?

Ким опасливо покосилась на неё слезящимся глазом.

— Да ты не думай дурного, бабушка, мне бы самой под палки не угодить. Я помочь хочу. Прислали вот из столицы, а я и не знаю, с какого боку к вашему молодому господину подступиться.

— С полмесяца уж, как за порог не ступал, — помедлив, со вздохом отозвалась старуха. — Слуги носилки садовые к веранде подадут, чтоб на солнышке посидел, а он только пуще гневается. Кричит, не калека безногий, сам дойти может.

— И может?

— Ноги-то у него, хвала Небу, не отнялись.

— А не пухнут к вечеру? Плотные носки на лодыжки налезают, тесёмки на щиколотках сходятся?

— Да почём же мне знать, девка? Я ему ноги не наряжаю, моё дело — котлы парить. Но врать не стану — не слыхала, чтоб на водянку аль колодки в щиколотках жаловались. У нас ведь девки языками чесать горазды: чуть что в хозяйских покоях стрясётся — враз на кухню тащат. А про ноги — молчок.

— Ест хорошо?

Ким деловито облизала сладкую бумажку из-под груши, бросила её в топку и сухо фыркнула, поправляя кочергой прогоревшую головню:

— Поешь тут, как же. Одну плошку три девки несут, пять раз с поклоном спросят, по нраву ли кушанье. А потом и сама госпожа матушка прибежит, с ложечки, ровно несмышлёныша, кормить возьмётся. Тут и у здорового кусок поперёк глотки встанет.

— До этой зимы он тоже после сна так задыхался?

— Кашлял. С малых лет грудью слаб, как в столице той лихой хворью переболел. Осенью да по весенней сырости — особенно. Бывало, год бегает — ничего, а в другой — на недельку-две пластом сляжет. Но чтобы так, как нынче… — Ким мотнула головой в серой тряпице. — Не приведи Небо, не бывало такого.

— Потеет сильно? Исподнее по ночам не меняют?

— Исподнее? Не-е, горячки-то в нём нет, — задумчиво протянула старуха, нахмурив седые кустистые брови. — А вот как прихватит к полуночи, как зайдётся в удушье — так весь ледяной делается, липкий, со лба вода градом катит от натуги, сказывают. Потому и плашмя давно не ложится. Стоит голове на валик опуститься — сразу в груди клокочет, будто горшок кипит. Сидя, почитай, прислонясь к подушкам, всю ночь и дремлет.

— Сидя, значит… — удовлетворённо кивнула Сольби. — А мокроты много отходит?

— Плевательницу за ним Пуни малая выносит да полощет. Её и спроси.

Старуха обсосала липкие от мёда пальцы и вдруг, понизив голос, добавила:

— Ты ему только не вздумай сказать: «Потерпите, мол, молодой господин». Ему это с самых зимних холодов каждый день твердят, он от этого слова ровно цепной делается.

Сольби только вздохнула и подбросила в топку сухую сосновую щепку, молча мотая услышанное на ус.

Когда тени от черепичных крыш вытянулись через весь двор, а воздух посинел от вечерней горной прохлады, у калитки наконец показалась Пуни. Перевязанную ладонь девчонка бережно прятала в рукаве, но двигалась уже куда бодрее, чем утром.

— Сольби, собирайся, — негромко позвала она. — Госпожа О велела тебе идти в павильон молодого господина.

— Иду!

Сольби поднялась с чурбака, отряхнула холщовую юбку и шагнула к своему коробу.

В голове всё встало на свои места: и липкий пот от гипоксии, и вынужденная поза ортопноэ, и убийственный маковый настой старика Чона, заперший мокроту в бронхах. Пазл сошёлся. Оставалось самое «простое» — убедить перепуганную насмерть мамашку вылить в помойку зелья её учёного любимца и доверить жизнь наследника безродной девке, которую она в первый раз видит.

Задачка, прямо скажем, посложнее, чем сдать зачёт по реанимации после трёх ночных дежурств подряд. Но отступать было некуда.

Иглы и прочую бутафорию для отвода глаз ей сейчас всё равно не дадут, да и они тут как мёртвому припарка. В чистый деревянный лоток легли только вещи по-настоящему нужные: пара плоских роговых шпателей, связка сушёного корня солодки с имбирём, баночка с топлёным барсучьим жиром, куда она ещё в столице щедро вбила камфору и мятное масло, и маленький глиняный кувшинчик с крепким грушевым уксусом. То, что реально заставит бронхи работать и вытолкает застоявшуюся дрянь наружу, а не уложит парня в очередное беспамятство.

***

Павильон опального сына государя стоял в самой глубине усадьбы, отделённый от женской половины невысокой стеной с круглой лунной аркой. Снаружи строение выглядело добротно: тёмное дерево, широкая веранда на резных столбах, крыша с крутым изгибом. Но стоило Пуни бесшумно отодвинуть внешнюю дверь и впустить Сольби в прихожую, как та едва сдержалась, чтобы не закатить глаза.

В комнате стояла такая лютая духота, что у неё с первого же вдоха взмокла спина под грубой кофтой. Каменный пол ондоля снизу накалили так, будто за окном трещали крещенские морозы. Мало того — в углах дополнительно стояли две большие медные жаровни с древесным углём. Тяжёлый, маслянистый чад восковых свечей смешивался здесь с густым сладковатым дымом сандаловых благовоний, затхлым духом непроветренного жилья, кислым потом и въевшейся в стены горечью макового варева. Окна и раздвижные створки были наглухо задраены и проклеены по щелям толстой многослойной бумагой — ни ветерка, ни щёлочки, ни глотка свежего горного воздуха.

Настоящий душегубный склеп. Тут и здоровый мужик через неделю начнёт задыхаться и харкать кровью от пересушенных слизистых, не говоря уже о хрониках с больными лёгкими.

Весь привычный «курятник» был уже в сборе.

У изголовья толстого шёлкового тюфяка сидела сама госпожа Сон, тревожно подавшись вперёд. По правую руку от неё застыла каменным истуканом госпожа О, держа наготове лакированный поднос с дымящейся фарфоровой чашкой очередного вечернего отвара. А чуть поодаль, изящно расправив вокруг коленей розовую юбку, устроилась Юнхва — девица усердно обмахивала больного круглым шёлковым веером, то и дело бросая на него полные сострадания взгляды.

И в самом центре этого душного бабьего кольца, полусидя на груде расшитых парчовых подушек и укутанный поверх стёганого халата ещё и тяжёлым одеялом на утином пуху, маялся их «принц».

Сольби, опустившись на колени у порога по всем правилам этикета, цепким взглядом ощупала пациента с головы до ног.

Природа задумывала Ли Суна красивым парнем — в отцовскую, видать, породу, а может, и в материнскую: высокий для своих семнадцати лет, широкоплечий в кости, с длинной благородной шеей, чёткой линией скул и прямым, чуть вздёрнутым на кончике носом. Если бы не болезнь, эта слепая материнская гиперопека и недели на опиатах, был бы статный, крепкий юноша.

Сейчас же на подушках сидела бледная, изломанная тень. Кожа мальчика была тонкой, почти прозрачной, с нездоровым землисто-серым оттенком и синими прожилками на висках. Глаза запали, губы пересохли и потрескались в кровь, а ключицы под распахнутым воротом исподней рубахи выпирали так остро, что хоть воду в ямки наливай.

И глаза. Когда юноша резко повернул голову на звук открывшейся двери, Сольби сразу заметила характерный, напряжённый прищур. Он смотрел на расплывчатое пятно у порога, чуть вытянув шею и сдвинув тонкие тёмные брови, явно не различая черт её лица с пяти шагов. Старое осложнение после тяжёлой детской кори, результат многолетнего чтения свитков в полутьме или последствия приёма опиатов — Сольби не знала, но её молодое сердце тут же болезненно сжалось, словно снова стучало в груди сорокалетней тётки.

Близорукий, слабый, запертый в четырёх стенах, с постоянно затуманенной от мака головой и вечно дрожащими над ним бабами, парень явно не был лежачим умирающим — в его движениях ещё прорывалась нервная, угловатая мальчишеская резкость. Но его здесь насильно «уложили» в постель, спеленали по рукам и ногам страхом за его драгоценную жизнь, и сейчас он находился на самом краю глухой, бессильной истерики.

— Сун, милый, выпей ещё глоток, пока не остыло, — мягко, но с той неумолимой материнской настойчивостью, от которой сводит зубы, попросила госпожа Сон, беря с подноса фарфоровую пиалу.

Юноша мотнул головой, отворачиваясь так резко, что мокрая от пота прядь прилипла ко лбу.

— Я уже сыт, матушка! Я же сказал! — голос у него оказался неожиданно звонким, но надорванным, с сухим свистящим сипом на выдохе. — Уберите!

— Молодой господин, не извольте гневить её милость, — тут же встряла Юнхва, приторно улыбаясь и размахивая своим веером прямо перед его лицом, отчего горячий, пропитанный благовониями воздух только сильнее бил ему в нос. — Тётушка вся извелась у вашей постели, ночи не спит! Вы должны беречь своё драгоценное тело ради неё...

— Да перестань ты махать этой тряпкой, Юнхва! — вдруг сорвался на крик Ли Сун и нервным, резким движением здорового человека, которого довели до белого каления, сбросил с груди одеяло. — Тошно мне от твоих духов! И жарко! Госпожа О, велите затушить жаровни и откройте хоть одну створку в сад, я задыхаюсь тут, как рыба в тухлой бочке!

От этого короткого всплеска гнева дыхание ему сразу перехватило. Он судорожно дёрнул ворот рубахи, согнулся пополам и закашлялся — глухо, надсадно, с тем самым тяжёлым, булькающим в самой глубине груди клокотанием, от которого у госпожи Сон мгновенно побелели губы.

В комнате поднялся переполох.

Госпожа О коршуном кинулась натягивать сползшее одеяло обратно до самого подбородка:

— Что вы делаете, молодой господин?! На улице вечерняя сырость, вам ни в коем случае нельзя раскрываться, ветер вмиг проникнет в поры!

Юнхва с причитаниями бросилась поправлять сбившиеся подушки, а госпожа Сон одной рукой принялась гладить сына по содрогающейся спине, другой уже подхватила проклятую чашку с маковым зельем, тыча ему в губы:

— Сун, мальчик мой, тише, тише, не кричи, тебе нельзя волноваться! Выпей отвар...

Ли Сун попытался отпихнуть и одеяло, и материнскую руку, но от приступа кашля и духоты силы быстро оставили его. Он откинулся на подушки, тяжело, со свистом хватая пересохшим ртом горячий воздух. По его бледным впалым щекам ручьями стекал пот, в уголках подслеповатых, затравленных глаз выступили злые слёзы унижения и полной беспомощности.

— Уйдите… Просто уйдите все прочь и откройте проклятое окно…

— Нельзя, Сун, потерпи, — с отчаянием в голосе увещевала госпожа Сон, снова поднося к губам сына чашку. — Выпей…

— Не хочу… Уберите это от меня, матушка! Меня мутит от одного запаха!

— А ты, братец Сун, совсем себя не бережёшь! — тонким голоском пропела Юнхва, укоризненно надувая губы. — Сам господин Чон предупредил: стоит пропустить хоть одну чашу или пустить в покои сквозняк, как холодная скверна тут же доберётся до сердца! Ты обязан слушать наставления мудрых, а не упрямиться и мучить тётушку!

Сольби смотрела на этот квохчущий табор от порога — и медсестра Волкова внутри неё окончательно вытеснила бессловесную рабыню.

Если она сейчас промолчит и начнёт по уставу отвешивать поклоны — до приезда королевского прокурора этот «заговорщик» попросту не дотянет.

— Ваша милость! — Сольби резко подалась вперёд и глухо стукнулась лбом о раскалённые плиты пола. — Умоляю, не давайте молодому господину этот отвар! В нём не исцеление, а погибель для его груди!

В душной комнате разом повисла такая звенящая тишина, что стало слышно, как потрескивает уголь в жаровне и со свистом рвётся воздух из пересохшего горла Ли Суна.

Госпожа Сон замерла с фарфоровой чашкой в руке, медленно поворачивая побелевшее лицо к порогу. Госпожа О не сказала ни слова — только вся пошла бурыми пятнами. Юнхва аж подскочила на шёлковой подушке, выронив веер, и взвизгнула так тонко, что у Сольби заложило уши:

— Да как ты смеешь разевать свою поганую пасть, тварь безродная?!

Бывшая придворная дама наконец опомнилась и широким шагом двинулась к порогу, явно намереваясь прямо сейчас выволочь зарвавшуюся рабыню за косу во двор и вырвать ей язык клещами, как и обещала утром.

— Я говорю не своим скудным умом, ваша милость! — не поднимая головы и не обращая внимания на нависшую над ней тень домоправительницы, затараторила Сольби. — Я повторяю слова великого придворного лекаря Хо Джуна из «Сокровищницы восточной медицины», по которой нас учили в столичном ведомстве! В главе о кашле и мокроте дословно сказано: коробочки снотворного мака и вяжущий корень пиона запирают лёгкие наглухо! При застарелой и обильной мокроте давать их — всё равно что собственными руками завязать погребальные верёвки на гробу!

Рука госпожи О, уже вцепившаяся в косу Сольби, замерла, но хватки не ослабила.

— Остановись, О-сангун, — тихо приказала госпожа Сон.

Она медленно, очень осторожно поставила дымящуюся чашку обратно на лакированный поднос, словно в фарфоре вдруг обнаружилась живая гадюка, и уставилась на распластанную у порога девку.

— Что ты сейчас сказала? — глухо переспросила она.

— Энсоккак, ваша милость. Высушенные и обжаренные на меду коробочки снотворного мака, — Сольби чуть приподняла голову, глядя прямо на тёмную жидкость в чашке. — Я изучила прописи, которые мне передали. Две недели назад лекарь Чон вписал мак в ночной отвар молодого господина. Сначала по полдоли, потом по целой доле на котёл…

— И что с того?! — снова взвилась Юнхва, нервно теребя шёлковые завязки своего розового чогори. — Почтенный лекарь Чон — муж учёный, из древнего рода! Он лечит брата уже много лет и читает мудрые книги, которые такой грязной девке и во сне не снились!

— Ваша милость, мак — не отрава. Его предписывают при худших хворях, чтобы унять надсадный сип и дать больному сон, — глухо бросила госпожа О, не сводя испепеляющего взгляда с Сольби. — Я служу вам двадцать лет и знаю своё дело: каждая травинка из уезда проходит через мои руки. Я лично держу ключ от кладовой и сама взвешиваю каждую крупицу перед варкой! А эта рабыня, едва переступив порог, смеет судить благородного лекаря!

— Вот именно! — подхватила Юнхва. — Если господин Чон прописал эту траву, значит, так и должно быть, чтобы братец спокойно спал по ночам!

— В том-то и беда, что молодой господин спит от неё как мёртвый, — упрямо гнула своё Сольби, обращаясь только к матери. — Мак дурманит голову и глушит кашель на всю ночь. Молодой господин не просыпается, но дурная слизь в его груди никуда не исчезает. За долгие часы сна она стекает вниз и до краёв заливает лёгкие, как весенняя вода подземелье. А к рассвету, когда сонный дурман рассеивается, грудь оказывается запечатана намертво. Молодой господин просыпается и начинает задыхаться в собственной мокроте, раздирая горло до ржавой крови! Если он выпьет эту чашку сейчас — завтра на рассвете у него может просто не хватить сил прокашляться.

На подушках глухо, беспокойно заворочался Ли Сун. Он всё ещё тяжело дышал после приступа, опираясь дрожащей ладонью о край тюфяка, но теперь смотрел на коленопреклонённую фигуру у двери во все глаза, забыв даже вытереть пот со лба.

— Матушка... — сипло, с надрывом выдохнул он. — Она правду говорит... Клянусь Небом, правду! Как выпью эту горечь на ночь — будто камнем по голове бьют... Сплю в каком-то чёрном тумане, даже пошевелиться не могу, а к утру в груди словно свинец застыл... Я же говорил вам, что мне хуже от него!

Госпожа Сон не ответила сыну. Её пальцы так сильно впились в бусины сандаловых чёток, что шёлковая нить натянулась до предела.

В душной, пропахшей благовониями комнате почти физически сгустился липкий, застарелый ужас — тот самый, которым этот дом дышал уже много лет.

— Погоди, — очень тихо, одними губами произнесла госпожа Сон, не сводя с Сольби буравящего взгляда. — Ты сказала, об этом написано в «Тонъый погам»?

— Да, ваша милость. В третьем томе о внутренних болезнях, раздел о кашле, и в томе о травах. В столичном ведомстве это правило заставляют учить наизусть в первый же месяц, потому что ошибка с маком стоит больному жизни.

— Значит, в столице это знает даже безродная девка, которая моет горшки за лекарями, — медленно, будто пробуя каждое слово на вкус, проговорила госпожа Сон. — Скажи мне, Сольби... Мог ли почтенный лекарь из Ансона, тридцать лет читающий древние каноны, просто... не знать об этом запрете?

Сольби ощутила, как по позвоночнику пробежал холодок.

Сказать, что старик Чон просто напыщенный осёл и лентяй, который решил не возиться с капризным хроником, а тупо глушил симптомы наркотой ради лёгких денег? Не поверят. Для них благородное происхождение — синоним учёности. Зато в больную, изъеденную вечной подозрительностью душу опальной наложницы сейчас упало совсем другое зерно. Тщательно отобранное, взвешенное и вымеренное Еленой Николаевной с хирургической точностью.

— Рабыня не смеет судить о помыслах благородного мужа, ваша милость, — осторожно, потупив взор в пол, ответила Сольби. — Возможно, почтенный старец просто позабыл наставления великого Хо Джуна по старости лет... Но две недели давать мак человеку, который захлёбывается мокротой и харкает кровью, не стал бы ни один лекарь в здравом уме.

Над головой Сольби госпожа О шумно втянула воздух. А госпожа Сон медленно поднялась с подушек во весь рост. В тусклом свете свечей её осунувшееся лицо вмиг постарело лет на десять и сделалось страшным.

— Тётушка, да вы что, всерьёз слушаете эту подлую лгунью?! — Юнхва капризно топнула ногой в шёлковом чулке. — Да её же из столицы прислали! Мало ли кто её подослал! Велите выпороть её, и она тут же сознается...

— Замолчи, Юнхва!

Хозяйка поместья повернулась к племяннице. В её тёмных глазах больше не было усталого терпения, с каким она сносила пустую болтовню родственницы утром, — только неприкрытая неприязнь старой дворцовой волчицы к глупой, бесполезной шавке.

— У меня сын задыхается на глазах, а ты смеешь устраивать здесь базарный крик из-за своего сословного чванства? — тихо процедила госпожа Сон. — Вон отсюда.

— Тётушка!.. — оскорблённо всхлипнула Юнхва, краснея под слоем белил. — Я лишь хотела...

— Вон из павильона, я сказала! И чтобы до утра я твоего голоса больше не слышала!

Юнхва обиженно куснула губу, злобно, со слезами на глазах зыркнула на распростёртую у порога Сольби и, демонстративно шурша юбками, выскочила за раздвижную дверь.

Госпожа Сон даже не посмотрела ей вслед. Она резко повернулась к домоправительнице:

— О-сангун. Немедленно подними старшего конюха. Пусть седлает лучшую лошадь и скачет в Ансон со списками рецептов лекаря Чона. Ночью ворота уездной управы заперты, пусть ждёт у стражи до утреннего колокола. Как только откроют Лекарскую палату или школу — пусть потребует сверить прописи Чона с книгами Хо Джуна и привезёт мне выписку с печатью уездного лекаря!

— Слушаюсь, ваша милость! — госпожа О низко склонила голову, но тут же покосилась на Сольби с нескрываемой ненавистью: — А с этой что делать? Запереть в чулане до возвращения гонца?

— Ваша милость, — быстро, но ровно заговорила Сольби, не дожидаясь ответа хозяйки. — Я знаю, что делать. Я пять лет состояла при лёгочных. Прямо сейчас молодому господину нужен уход, чистый воздух и правильное тепло, иначе эта ночь станет для него страшнее вчерашней. Старый отвар ещё бродит в его крови, слизь в груди сгустилась от духоты этих жаровен. Позвольте мне помочь.

— Ты пугаешь меня, девка, чтобы выторговать себе место у его изголовья? — голос госпожи Сон дрогнул от страха и отчаяния. — Откуда мне знать, что ты вообще смыслишь в его хвори, а не выучила три строчки из книги по указу тех, кто тебя купил?!

Сольби повернула лицо к груде парчовых подушек, где, тяжело опираясь на локоть, сидел Ли Сун.

— Спросите у самого молодого господина, ваша милость, знаю ли я его недуг, — спокойно сказала она и заговорила, глядя прямо в прищуренные глаза юноши: — Вам ведь страшно не тогда, когда вы не можете вдохнуть, молодой господин. Страшнее всего — что вы не можете выдохнуть. Воздух заходит в грудь коротко, а обратно идёт со свистом, будто сквозь узкую тростинку, и грудная клетка раздувается так, словно рёбра сейчас треснут изнутри.

Ли Сун вздрогнул. Его бледные пальцы, сжимавшие край шёлкового одеяла, медленно разжались.

— Чтобы хоть немного протолкнуть этот застрявший дух, вам приходится садиться, упираться руками в колени или в края тюфяка и поднимать плечи до самых ушей, — продолжала Сольби будничным тоном человека, который видел это сотни раз на больничных койках. — От этого к утру шея и спина между лопатками каменеют и болят так, будто вас всю ночь били палками. Во рту перед приступом становится солоно и сухо, а когда вас заставляют лечь на спину — кажется, что на грудь положили мельничный жернов и заливают в горло тёплую воду.

В повисшем молчании с глухим стуком упала в медную плошку прогоревшая головка свечного фитиля. Ли Сун смотрел на неё не мигая, забыв даже щуриться. Впервые за долгие месяцы кто-то в нём увидел не умирающего младенца, которого надо пичкать горькой бурдой и душить перинами, а человека, еженощно проходящего через личный ад. Эта чужая девка в грубой серой холстине только что слово в слово описала то, о чём он надрывно кричал матери и лекарю Чону всю зиму, а в ответ слышал лишь: «Это слабая ки, потерпи и выпей ещё отвара».

Юноша судорожно сглотнул и вдруг подался вперёд, сбрасывая с себя одеяло.

— Она останется, — хрипло, но с неожиданной сталью в надорванном голосе произнёс он.

— Сынок, опомнись, — госпожа Сон испуганно схватилась за одеяло и попыталась снова уложить сына. — Мы не знаем, кто она. А если...

— Мне всё равно, кто она, матушка! — Ли Сун резко оттолкнул её руку, и на его бледных скулах проступили два лихорадочных красных пятна. — Лекарь Чон столько месяцев щупал мне пульс с умным видом и твердил про дурной ветер, а она даже не подошла ко мне — и знает, как у меня кости трещат под утро! Пусть подойдёт и осмотрит меня!

— Молодой господин, вы в жару, вы не ведаете, чего просите! — вмешалась госпожа О, отпустив наконец косу Сольби и шагнув к ложу больного. — Допустить безродную тварь к вашему телу без проверки...

— Я ещё не в беспамятстве, О-сангун! — мальчишеский голос звенел от хозяйского гнева, о котором в этом бабьем царстве, кажется, успели позабыть. — Это моё тело и моя грудь! И это я каждую ночь подыхаю на этих подушках, пока вы жжёте тут свои проклятые благовония! Она останется. Я так велю!

Он закашлялся от натуги, зажимая рот ладонью, но взгляда от матери не отвёл — упрямого, злого, требовательного.

Госпожа Сон долго смотрела в глаза сыну. Губы её мелко дрожали. Борьба внутри неё закончилась: перечить единственному ребёнку, доведённому до такого исступления, она не могла. Но и дворцовая выучка в ней никуда не делась.

Хозяйка медленно повернула голову к Сольби. Глаза её сузились в две ледяные щёлочки.

— Хорошо. Ты осмотришь его, — раздельно, каждое слово будто гвоздь вбивая, произнесла госпожа Сон. — Но твой деревянный лоток останется здесь, у порога. Ты не дашь моему сыну ни капли воды из своих рук, ни одной травинки, ни крупицы порошка. Даже близко не поднесёшь своих склянок к его губам. Только посмотришь, послушаешь дыхание и скажешь мне.

Она перевела потемневший взгляд на домоправительницу:

— О-сангун. Обыщи её. Ещё раз. Прямо здесь, при свете.

— Ваша милость, я утром в мыльне... — начала было старуха.

— С утра прошёл целый день, и она сидела одна у своего короба! — отрезала госпожа Сон. — Выверни её наизнанку. Проверь волосы, швы, пояс и пальцы.

Сольби не стала дожидаться, пока её начнут валять по полу. Она сама молча поднялась с колен, отставила свой лоток со шпателями и барсучьим жиром в дальний угол к самой двери и покорно развела руки в стороны.

Но госпожа О не собиралась ограничиваться поверхностным осмотром. С нескрываемым раздражением она втолкнула Сольби за резную ширму, принявшись за дело с пугающим, почти мстительным усердием.

Старуха рывком развязала тесёмки её верхней кофты, стащила холстину и сдёрнула верхнюю юбку, заставив Сольби остаться в одних широких нижних портках и нательной нагрудной повязке. Жёсткие, как клещи, пальцы домоправительницы грубо промяли каждый рубец, вывернули обшлага, ощупали пояс, расплели косу и проверили даже подошвы холщовых носков.

— Подойди к свету, — сквозь зубы скомандовала госпожа О, хватая её за запястья и подтаскивая к медному подсвечнику.

Она вывернула кисти Сольби, проверила коротко остриженные ногти — нет ли под ними тёмного порошка, — и даже провела собственным пальцем по её влажным ладоням, растирая кожу и принюхиваясь, не смазаны ли чем-то ядовитым.

— Чисто, ваша милость, — с явным сожалением процедила старуха, отшвыривая руки лекарки и выходя из-за ширмы. — Ни единой иголки.

Сольби молча оделась, завязала ленты чогори на груди и выскользнула следом, наспех скручивая волосы в небрежную косу.

— Подойди к постели, — нехотя разрешила госпожа Сон.

Она не отошла в сторону — только чуть сдвинулась к изголовью, нависая над подушками сына с одной стороны, а с другой, буквально в полушаге за правым плечом Сольби, встала госпожа О. Две женщины застыли по бокам от постели, как две сторожевые собаки, не сводя напряжённых глаз с каждого движения её пальцев. Стоило сделать хоть один резкий жест в сторону горла мальчика — старуха переломила бы лекарке хребет раньше, чем та успела бы выдохнуть.

Опускаясь на колени у края шёлкового тюфяка, Елена Николаевна мысленно усмехнулась: работаем под конвоем, девочки, ничего нового. Почти как в девяностые.

Вблизи Ли Сун выглядел ещё моложе и беззащитнее. Когда Сольби приблизилась вплотную, парнишка перестал щуриться — его большие тёмные глаза с влажным, горячечным блеском и воспалёнными прожилками на белках с жадным, пугающим доверием уставились прямо в её лицо. От него пахло кислым потом, горькими травами и тёплым мальчишеским телом, измученным долгим недугом.

— Не бойтесь, молодой господин, — совсем просто, без всяких дворцовых выкрутасов сказала Сольби. — Сейчас мы сначала пустим сюда немного жизни, а потом я вас послушаю.

И, прежде чем две надзирательницы успели сообразить, что она задумала, Сольби протянула руку не к больному, а к медной курильнице у края тюфяка — двумя пальцами выдернула из золы тлеющую сандаловую палочку и с коротким, злым шипением утопила её прямо в остывающей чашке с маковой отравой, одним махом кончая и с удушливым дымом, и с хозяйским зельем.

Глава 5. Сказочница

То, что началось в павильоне Ли Суна в ту ночь, медсестра Волкова про себя окрестила Сталинградской битвой за квадратные метры и свежий воздух.

Отвоёвывать пришлось буквально каждую пядь. Когда Сольби потребовала убрать из комнаты жаровни и хотя бы на ширину ладони раздвинуть заклеенные с зимы садовые створки, госпожа О вцепилась в медные ручки так, будто у неё отнимали государственную печать, а госпожа Сон закрыла сына грудью от «гибельного ночного ветра».

Спорить с вековыми предрассудками в лоб было бесполезно, это Сольби давно уже усвоила, поэтому пошла на хитрость — ударила по ним их же заумной казуистикой.

— Ваша милость! — зашептала она с таким благоговейным ужасом, будто открывала великую дворцовую тайну. — Разве я прошу выстудить покои?! Сухой огонь древесного угля рождает в закрытой комнате злой, яростный жар «ян», который выпивает из груди молодого господина последние соки и спекает мокроту в камень! Чтобы спасти лёгкие, нужен мягкий, влажный дух «инь»! Велите унести этот сухой уголь, а взамен поставьте четыре широких медных таза с крутым кипятком — от них пойдёт живой, тёплый пар, и в комнате не станет холоднее ни на волос!

Госпожа Сон заколебалась, переводя взгляд с чадящих углей на задыхающегося сына:

— Хорошо. Но окна останутся закрытыми. Ночная сырость проникнет в поры и убьёт его до рассвета.

— Не проникнет, если пустить её через водяную завесу, — не моргнув глазом, соврала Сольби, приплетая на ходу всё, что слышала от столичных грамотеев. — Мы откроем не нижнюю створку, а только верхнюю отдушину под самой балкой, на два пальца, и завесим щель полотном, вымоченным в горячем соляном растворе! Соль и пар перехватят весь ядовитый ночной туман на лету, злой ветер осядет в мокрой ткани, а вниз опустится только чистое дыхание горных сосен, чтобы вытеснить застоявшуюся в углах хворь!

Звучало это как полный бред, но слова про «яростный ян», «водяную завесу» и «осевший в соли туман» попали точно в цель. Госпожа Сон коротко кивнула. Полдюжины служанок со скрежетом выволокли раскалённые жаровни, внесли дымящиеся лохани с кипятком, а верхнюю створку под потолком действительно приоткрыли за мокрой тряпкой. В затхлый склеп наконец-то просочилась тонкая струя свежего, прохладного воздуха.

Из собственного лотка ей не позволили взять ни корешка солодки, ни капли уксуса, поэтому отхаркивающее питьё соображали из того, что нашлось в хозяйской кладовой под личным замком домоправительницы. К счастью, помимо маковой отравы на полках сыскались старый сушёный платикодон, кожура мандарина, ядрёный корень свежего имбиря и зимняя редька с погреба.

Сольби безжалостно настругала всё это в кипящий котелок в такой ударной пропорции, что от одного запаха пробивало до самых пазух. Эту горячую, обжигающую горло бурду госпожа Сон вливала сыну лично, по глотку каждые четверть часа — разумеется, только после того, как при ней отхлебнули и сама Сольби, и О-сангун. Причём старую придворную даму от термоядерного имбирного взвара перекосило так, что у неё слёзы из глаз брызнули, но виду церберша не подала — только прожгла столичную рабыню взглядом, обещая ей все круги буддийского ада.

Но настоящий ад разверзся за полночь, когда безродная казённая девка велела перевернуть принца животом поперёк крутого валика из свёрнутых тюфяков, свесив его голову и плечи почти до самого пола, чтобы заставить хворь покинуть тело государева сына.

Что тут началось! Госпожа Сон едва не лишилась чувств, а О-сангун с озверевшим лицом отвесила Сольби оплеуху — сухую и звонкую, от которой в ухе тут же тонко зазвенело:

— Да ты в своём уме, падаль?! Уложить благородного господина головой в пол, точно куль с просом?! Да как ты смела даже помыслить о таком?!

Но Ли Сун уже чувствовал то, чего не понимали перепуганные женщины. От влажного пара и горячего имбирного питья в его груди наконец что-то сдвинулось с мёртвой точки: каменный панцирь внутри размяк, сделался тяжёлым, булькающим и нестерпимо просился наружу, мешая вздохнуть.

— Пустите меня, матушка! — он с силой, почти грубо оторвал от себя материнские руки, и в его расширенных зрачках полыхнула злая мальчишеская решимость. — Отойдите обе!

— Молодой господин, опомнитесь, это же бесчестье! — взмолилась О-сангун, хватаясь за сердце.

— Бесчестье — это сдохнуть в собственном гное вам на потеху! — рявкнул Ли Сун так, что старуху будто ветром сдуло, и тут же глухо, страшно закашлялся, сгибаясь пополам. — Прочь с дороги, я кому сказал?! Не смейте трогать девку!

Обливаясь холодным потом и кусая губы от стыда, парень перевалился через валик сам.

Следующие два часа Сольби, стоя на коленях, колотила сложенными лодочкой ладонями по его худым, торчащим под мокрой тканью рёбрам и лопаткам, выколачивая, выдавливая из спазмированных низов застарелую дрянь. Она работала до седьмого пота, до онемения в запястьях, не обращая внимания на то, как госпожа Сон лихорадочно перебирает чётки и плачет в рукав, а старая гарпия шипит проклятия над самым ухом.

— Дышите глубже, молодой господин, не зажимайте грудь, — командовала Сольби, когда он рефлекторно сжимался от её глухих шлепков по спине. — На выдохе — толкайте из себя. С голосом, с рыком, не стесняйтесь! Здесь не дворцовый приём, пусть выходит.

— Я... стараюсь... — сипло, уткнувшись мокрым лбом в сложенные на полу ладони, выдыхал он между приступами и упрямо, по-мужски скрежетал зубами, стараясь не скулить при матери.

К пятой страже прорвало. Ли Суна выворачивало мучительным, утробным кашлем, от которого, казалось, содрогались деревянные балки под крышей, но на этот раз он не задыхался впустую: из разблокированных бронхов наконец пошла густая, вязкая, ржаво-зелёная слизь. Он отхаркивал её сгустками, кашляя, плача от бессилия и вцепляясь пальцами в край валика, пока фарфоровая плевательница не заполнилась почти до половины.

Зато когда перед самым рассветом его, вконец обессилевшего, переодели в сухое и уложили на высокие подушки, в павильоне впервые за долгие месяцы наступила тишина. Настоящая. Без привычного зловещего свиста, без бульканья в груди и предсмертного хрипа. Ли Сун спал, ровно и глубоко, приоткрыв губы, а когда за бумажными окнами посерело утро — нового приступа так и не случилось. Мальчик даже не проснулся.

Впрочем, благодарности за ночное чудо Сольби не дождалась.

Едва госпожа Сон убедилась, что грудь сына поднимается спокойно, а лоб чист и прохладен, спасительницу отволокли на задний двор и без лишних слов заперли в холодном дровяном сарае под тяжёлый висячий замок.

Взрыв грянул после часа Лошади, когда взмыленный старший конюх прискакал из Ансона.

Сольби не слышала, что именно он докладывал хозяйке, но, судя по тому, как побежали по двору перепуганные слуги, слова столичной девки подтвердились до последней буквы.

Когда засов на дверях её узилища наконец загремел и на пороге выросла сама госпожа Сон в сопровождении бледной, как полотно, О-сангун и пары стражников, Сольби сразу поняла: в доме запахло жареным. Хозяйка смотрела на сидящую на сосновых чурбаках рабыню долго и страшно — так смотрят на человека, который случайно вскрыл нарыв и выпустил наружу чуму.

— Лекарь Чон бежал из уезда сегодня до рассвета, — глухо произнесла госпожа Сон, и пальцы её так стиснули дверной косяк, что тот жалобно затрещал. — Прихватив только серебро и дорожные таблички. В уездной аптеке подтвердили каждое твоё слово: этот отвар убивал моего сына. Медленно, день за днём.

Сольби покорно склонила голову к коленям, пряча вспыхнувший в глазах интерес:

— Небо милостиво, ваша милость, что обман раскрылся вовремя.

— Вовремя?! — хозяйка шагнула внутрь тёмного сарая, и от её шёлковых юбок пахнуло храмовыми курениями. — Откуда ты знала, девка?! Говори правду! Тебя прислали те, кто купил Чона, чтобы замести следы и втереться ко мне в доверие?!

— Ваша милость, помилуйте, — прижалась лбом к земляному полу Сольби, внутренне сжавшись. — Если бы я была заодно с лекарем Чоном, мне хватило бы вчера просто промолчать у порога. Молодой господин выпил бы свою ночную чашку, и сейчас вам не пришлось бы меня допрашивать.

Крыть эту простую житейскую логику было нечем. Госпожа Сон осеклась, нервно сглотнула и, скрепя сердце, дала отмашку охранникам. А вот Сольби, пока её под конвоем вели обратно к павильону, всерьёз призадумалась.

До той минуты она морально готовилась к тому, что к обеду оскорблённый Чон прикатит в усадьбу в своём паланкине и устроит ей показательную порку. И ведь легко мог выкрутиться, старый хрыч. По здешним законам, пока больной жив, благородного лекаря за ошибку в прописях на плаху не потащат. А уж переспорить безродную казённую девку для начитанного грамотея и вовсе было плёвым делом: сослался бы на соседний раздел того же Хо Джуна про «удержание ускользающего духа ки при крайнем истощении» — и поди докажи, что он не прав.

Вместо этого почтенный старец дал дёру, как пойманный на горячем вор, чем собственноручно расписался: мальчишку он травил не по глупости, а с полным знанием дела. Мало того — кто-то из запертой на ночь усадьбы умудрился предупредить его о провале раньше, чем конюх госпожи Сон доскакал до городских ворот.

Значит, в этом тихом «санатории», где служанок кормят свининой и берегут от солдатских рук, завелась настоящая крыса. Причём такая, у которой ночью есть доступ к внешним стенам или конюшне.

На такие тонкости в поместье никто внимания не обратил, зато масштаб материнской паранойи в одночасье пробил черепичную крышу и ушёл прямиком в небеса.

Враги госпоже Сон теперь чудились за каждым углом, в каждой горсти риса и в каждом дуновении ветра. Да и к Сольби никто доверием не проникся: в воспалённом уме бывшей фаворитки легко укладывалась мысль, что одни заговорщики могли убрать других лишь для того, чтобы подослать к постели принца собственную отравительницу.

К телу её допустили — деваться матери было некуда, — но превратили жизнь в бесконечную полосу препятствий.

С того дня в павильоне проверяли не только еду и питьё. Под подозрение попали сами методы лечения. Стоило Сольби заикнуться о мазях, прогреваниях или лепёшках из горчичного семени для оттягивания жара к стопам, как госпожа О тут же требовала назвать точную главу и страницу из канонов, а затем старый писарь сверял каждое её слово с пыльными медицинскими трактатами из домашней библиотеки. Дважды в день нарочный гонял лошадь до переправы, где в предместье Ансона жил почтенный травник Ан — ему на клочке бумаги без имён возили перечень всех трав и притирок, которые назначала Сольби, требуя письменного ответа, нет ли в сочетании кореньев скрытой отравы.

Сам быт превратился в театр абсурда. Серебряные шпильки втыкали во всё, вплоть до простой кипячёной воды для умывания. Каждую плошку с отваром, каждую ложку рисовой каши, прежде чем поднести к губам Ли Суна, под немигающим взглядом госпожи О пробовали по очереди: одна из кухарок или старая Ким, специально выделенный дворовый маль-

чишка-дегустатор и сама Сольби. После чего все трое обязаны были сидеть на виду у стражи, пока до середины не прогорит мерная палочка благовоний.

Дошло до того, что О-сангун лично обнюхивала каждое сосновое полено перед тем, как бросить его в топку ондоля, опасаясь, что кору вымочили в ядовитом соке лакового дерева, а бельё молодого господина после стирки полоскали в трёх водах под присмотром двух надзирательниц и сушили исключительно на закрытой веранде, чтобы пролетающая ворона ненароком не уронила на постельное полотнище отравленное перо.

Сольби приказали находиться в павильоне больного неотлучно, днём и ночью. Она спала тут же, за тонкой решётчатой перегородкой в малой боковой комнате, на узкой циновке. Но наедине с Ли Суном её не оставляли ни на одно мгновение. Внутри покоев, сменяя друг друга каждые четыре часа, безотрывно дежурили самые проверенные, старые служанки госпожи Сон, привезённые ещё из дворца, а снаружи под окнами и у самых дверей теперь круглосуточно торчали двое угрюмых стражников с алебардами.

Сольби молча глотала эту осаду, хлебала на проверках собственные горькие отвары, от которых уже на третий день язык пошёл оскоминой, и упрямо гнула свою линию.

Ибо результат того стоил.

Освобождённый от опиумного удушья, духоты и бесконечных бабьих причитаний, семнадцатилетний организм брал своё с поразительной жадностью. Уже на третьи сутки после отмены мака и регулярного дренажа из дыхания Ли Суна исчез тот страшный, ржавый присвист, а мокрота посветлела и стала отходить легко, без надрывных судорог до кровавых слёз.

Тогда Сольби перешла к следующему этапу и потребовала с кухни вымоченный в уксусе и натёртый золой бычий пузырь, а к нему — тонкую бамбуковую трубку и глубокий глиняный кувшин с водой.

При виде этого нехитрого инвентаря госпожу О едва не хватил удар.

— Ты рехнулась, девка?! — зашипела домоправительница, брезгливо отшатываясь от сухого, шуршащего пузыря. — Заставить царственную плоть и кровь брать в рот коровью требуху, в которую деревенские мясники сало набивают?! Да ни в одном каноне нет такого бесстыдства!

Старый писарь и правда полночи с кряхтением листал трактаты в поисках подвоха, но Ли Сун, уже вкусивший сладость первого свободного вдоха, даже слушать никого не стал. Без маковой одури голова у него прояснилась, а вместе с ясностью ума вернулось острое, почти голодное мальчишеское любопытство.

— Дай сюда, — потребовал он, протягивая худую руку с постели и с интересом прищуриваясь на Сольби. — И-и-и… что с этим делать?

— Сначала булькаем в кувшин, молодой господин, — спокойно объяснила Сольби, опуская бамбуковую трубочку в воду. — Вдох носом — сколько возьмёте, не до боли. А потом медленно, долго дуете сквозь тростинку, чтобы со дна шли ровные пузыри. И так двадцать раз до полудня и двадцать — перед сном. А когда грудь окрепнет — будете надувать бычий пузырь. Чтобы лёгкие ваши, которые за зиму слиплись, как старые кузнечные мехи, изнутри воздухом расклинило.

Дуть в воду и надувать упругий пузырь ему поначалу понравилось почти по-детски: наконец-то от него требовали не лежать бревном под перинами в ожидании смерти, а сопротивляться. Но с непривычки от глубоких выдохов быстро кружилась голова и сводило скулы, а тут ещё и отменённый мак предъявил свой счёт.

Елена Николаевна ждала этого со дня приезда и не ошиблась: за две недели опийное зелье успело-таки запустить когти в измотанный организм. Лёгким стало свободнее, зато на вторые сутки парня начала ломать злая маковая отмена. Днём на него без причины накатывала такая беспросветная, липкая хандра и ярость, что перепуганные служанки жались по углам, а по ночам, когда тело по привычке требовало дурмана, сон отрезало напрочь. Ли Суна бросало

то в озноб до гусиной кожи, то в липкую испарину, живот резало, а суставы и икры тянуло так мучительно, что он метался по подушками и до крови кусал губы.

Оставлять пациента один на один с этой пыткой было нельзя, и Сольби по старой сестринской привычке пустила в ход главное больничное оружие — принялась его забалтывать. В ход пошёл весь золотой фонд русского фольклора, наскоро перелицованный на чосонский лад.

Уже на вторую ночь, пока она методично выстукивала ему рёбра и лопатки, измученный конфуцианскими прописями принц затаив дыхание слушал совершенно дикие, невиданные истории.

— Ну давайте, ещё десять выдохов, молодой господин, не отлынивайте, — вполголоса командовала Сольби на четвёртый вечер, поправляя кувшин на низком столике, пока дежурная старуха-служанка клевала носом в дальнем углу. — На чём мы там утром остановились? Ах да. Значит, покатился этот круглый рисовый колобок-тток дальше по горной тропинке, а навстречу ему из бамбуковых зарослей — кабан...

Ли Сун, уже собравшийся было покапризничать, послушно набрал полную грудь воздуха, долго, с ровным густым рокотом пробулькал всю положенную порцию до конца, но едва оторвал губы от бамбуковой трубки, как недовольно сдвинул тонкие брови:

— Постой. Про глупую рисовую лепёшку, которую в конце сожрала кумихо, ты мне ещё вчера на рассвете досказала. Не заговаривай мне зубы, Сольби!

— Да? — невинно моргнула она. — Надо же, запамятовала. Ну хотите, расскажу про золотую рыбку из Восточного моря и жадную старуху, которая вздумала стать государыней?

— Не хочу про старуху! — Ли Сун вдруг быстро, воровато стрельнул глазами в сторону дремлющей у дверей надзирательницы, подался вперёд на подушках, и его бледные уши в свете свечи предательски порозовели. — Ты мне вчера ночью, когда спину мяла, другую притчу начала... да на самом главном месте бросила!

Сольби нахмурилась, мучительно припоминая, что именно она несла с недосыпа в три часа ночи:

— Это какую же?

— Ну как же! — в голосе семнадцатилетнего затворника зазвенело такое горячее нетерпение, какого не бывало со дня её приезда. — Про прекрасную принцессу, которая уколола палец колдовской иглой за вышиванием и заснула мёртвым сном на сто лет в своём павильоне за колючим терновником! Ты сказала, что ни один лекарь не мог её разбудить, пока молодой принц из соседнего государства не прорубился сквозь заросли в её почивальню... — юноша судорожно сглотнул, не отрывая блестящих, широко распахнутых глаз от лица Сольби, и перешёл на жаркий шёпот: — И что же он сделал дальше, чтобы снять заклятие? Как он её разбудил?!

Елена Николаевна внутри Сольби мысленно хлопнула себя ладонью по лбу и от души выматерилась. Вот же дёрнул её лукавый брякнуть про «Спящую красавицу»! Сказалась третья бессонная ночь подряд — язык плёл сам по себе на автопилоте, лишь бы парень не зажимал спазмированную спину. И надо же было забыть, что перед ней не пятилетний карапуз из детской пульмонологии, а семнадцатилетний парень в самом соку, которого с детства держали в четырёх стенах на диете из пресных поучений Конфуция.

В этой стране, где мужчине даже за рукав чужую девицу задеть — уже уголовное преступление и позор на весь род, сцена поцелуя со спящей незнакомкой без сватов и родительского сговора была сродни эротическому триллеру. Если она сейчас ляпнет при дворцовой соглядатайке, что принц приложился к устам спящей девицы, госпожа О ей завтра же язык вырвет за развращение наследника!

— Кхм... — Сольби сделала максимально постное, благочестивое лицо и поправила сбившуюся на груди ленту чогори. — Так известно, как разбудил, молодой господин. По всем правилам древних канонов. Встал у порога за ширмой, отбил три земных поклона и стал читать

«Канон сыновней почтительности» громким голосом. Принцессе во сне так совестно сделалось, что она сто лет без дела бока пролёживает и родителям утренний чай не подаёт, — она возьми да и проснись!

Ли Сун несколько мгновений ошарашенно хлопал ресницами, переваривая услышанное, а потом вдруг возмущённо, по-мальчишески звонко фыркнул:

— Врёшь ты всё! Не было там никакого канона! Ты вчера совсем не к тому вела — ты сказала, он подошёл к самому изголовью и…

— А вы дуйте в кувшин, молодой господин, не отвлекайтесь! — строго оборвала его Сольби, ловко подставив бамбуковую трубку прямо к его приоткрытому рту, так что парню поневоле пришлось прикусить тростинку.

Ли Сун обиженно засопел, но трубку не выплюнул. А Сольби, покосившись на мирно похрапывающую в углу старуху, чуть подалась к нему и с лукавой усмешкой шепнула:

— Да и чего вам досказывать, когда вы, как я погляжу, уж совсем взрослый муж и сами прекрасно поняли, чем там дело закончилось. Только уговор, молодой господин: про эту притчу при старших — ни полслова. Меня госпожа О со свету сживёт, а вот вам матушка живо велит до самых осенних холодов «Правила усмирения юношеских страстей» в три кисти переписывать. Оно нам с вами надо?

От того, что его впервые в жизни назвали не «слабым дитятей», а взрослым мужем, Ли Сун вспыхнул до самых корней волос. Но вместо гнева в его тёмных глазах заплясали шальные, горделивые черти. Он заговорщически кивнул и с удвоенным усердием принялся пускать в кувшин пузыри. Правда, весь оставшийся вечер он то и дело бросал на свою странную сиделку долгие, задумчивые взгляды исподлобья — словно впервые разглядел за грубой серой холстиной казённой рабыни не безликую прислугу, а живую девушку, с которой у него теперь была одна тайна на двоих.

Перелом наступил на пятое утро.

Когда первые солнечные лучи пробили промасленную бумагу раздвижных дверей, а в павильон с утренним обходом вошла сама госпожа Сон в сопровождении неизменной О-сангун, постель опального принца оказалась пуста.

Хозяйка замерла на пороге, схватившись за сердце.

А Ли Сун стоял у низкого столика возле открытого в сад окна — сам, без чужой поддержки, пусть и слегка покачиваясь на ослабевших, отвыкших от ходьбы ногах. Закатав широкие рукава белой нижней рубахи, он с наслаждением, шумно плескал из медного таза студёную утреннюю воду себе в лицо, фыркал и жмурился на солнце. На его бледных, впалых щеках проступил здоровый румянец, а когда он обернулся к матери и вытер мокрый подбородок полотенцем, в тёмных близоруких глазах не было ни маковой мути, ни затравленного ужаса.

— Доброе утро, матушка, — немного хрипло после сна, но твёрдо и чисто произнёс он и вдруг улыбнулся — совсем юной, чуть виноватой улыбкой: — Мне сегодня так легко дышится, что лежать больше нет никаких сил. Велите подать мне на завтрак нормального мяса, а не ту размазню, от которой с души воротит.

Госпожа Сон не ответила. Она смотрела на стоящего на ногах сына так, словно перед ней разверзлись небеса и сошёл сам Будда-врачеватель. Сандаловые чётки выскользнули из её пальцев, а по неподвижному, суровому лицу бывшей фаворитки вдруг беззвучно покатились крупные слёзы. Она шагнула к нему, уткнулась лбом в его плечо — мокрое от воды, но тёплое, живое, крепкое — и впервые за пять дней судорожно, прерывисто выдохнула.

В то утро удавка на шее Сольби наконец чуть ослабла.

Нет, стражу от дверей не убрали, и серебряные иглы из каши вынимать не перестали. Но когда после плотного завтрака Ли Сун, утомлённый собственным подвигом, мирно задремал у открытого окна под стёганым одеялом, госпожа Сон посмотрела на осунувшуюся, с тёмными

кругами под глазами от бессонных ночей лекарку совсем другим взглядом — всё ещё настороженным, но уже без желания немедленно сгноить её в яме за скотным двором.

— Ты славно потрудилась, Сольби, — негромко сказала хозяйка, промокая платком уголки глаз. — Ступай к себе. О-сангун, вели выдать ей с господской кухни варёного мяса, каши и кувшин сладкого рисового отвара. И распорядись, чтобы её никто не трогал — пусть отдохнёт.

Глава 6. Пэк Хачжун

Варёная говядина с редькой и настоящая, рассыпчатая рисовая каша после пяти дней на проверочных отварах казались пищей богов, но Сольби жевала почти механически, не чувствуя вкуса.

Она сидела на тёплом порожке своей аптечной каморки, привалившись спиной к нагретому солнцем деревянному косяку и поставив опустевшую глиняную миску на колени. Во внутреннем дворике стояла сонная послеполуденная тишина: старая Ким клевала носом у потухшей печурки, над кустами цветущего шиповника гудели жирные шмели, а за высокой каменной стеной, отделявшей женскую половину от внешнего двора, было глухо, как в могиле.

Пять суток прошло с того утра, как они с господином прокурором расстались на развилке у постоялого двора.

Где его носит, спрашивается?!

От уездной управы Ансона до предгорий Чхильхёнсан — двадцать ли по тракту. Даже если размытую глину считать, даже если пешком вразвалочку идти, закладывая руки за спину и любуясь птичками, — полдня пути. За пять суток в этом несчастном уезде можно было не только податные списки за сто лет переписать и всех почтовых лошадей поимённо опросить, но и покойного смотрителя из могилы выкопать, допросить с пристрастием и обратно закопать!

У Сольби неприятно, тоскливо-тянуще заныло под ложечкой.

«Если через неделю я не появлюсь, не пытайся выяснять, что со мной. Продолжай лечить больного».

Легко сказать — не выясняй. Она тут, между прочим, без ножа, без ядов, под круглосуточным конвоем разгребает чужие авгиевы конюшни: вытащила с того света полудохлого недопринца, нажила себе смертного врага в лице сбежавшего лекаря Чона и его тайных покровителей, рассорилась с хозяйской племянницей и каждый божий день ходит по лезвию бритвы под прицелом старой церберши О.

И ведь дураку ясно, что ни через какие три месяца с докладом в столицу она отсюда не уйдёт. Пока Ли Сун еле стоит на ногах, госпожа Сон будет сдувать с лекарки пылинки, но после той унизительной ночи на валике живую свидетельницу немощи и позора носителя королевской крови за ворота уже не выпустят. Про идиотскую затею сбежать из охраняемого поместья в диких горах нечего было и думать — это тебе не дешёвый сериал.

Что могло случиться с этим заносчивым отличником? Узнали в Ансоне? Перехватили на горной тропе те самые люди, что две недели назад помогли прежнему смотрителю «внезапно скончаться от дурной крови», а старика Чона вовремя предупредили уносить ноги?

Сольби с силой потёрла ладонями лицо и, в сердцах, по-русски прошептала в пустой солнечный дворик:

— Ну и где тебя черти носят, мальчик?..

— На каком это наречии ты ропщешь на судьбу, лекарка?

Голос прозвучал прямо над головой — тихий, глубокий, с чуть ленивой бархатной хрипотцой.

От внезапности Сольби так резко дёрнулась, что пустая миска со стуком слетела с колен и покатилась по булыжникам к самой печурке, где безмятежно похрапывала бабка Ким. Будь Сольби сейчас в своём прежнем, сорокачетырёхлетнем теле — всё, пиши пропало: второй инфаркт гарантирован, и никакая реанимация бы не откачала. Молодое восемнадцатилетнее сердце уцелело чудом, но колотилось о рёбра с такой бешеной силой, что в ушах зашумело, а пальцы рук сделались ледяными.

В двух шагах от неё, прямо на границе косой тени от навеса, стоял учитель Пэк.

Да как он, мать его за ногу, подошёл?!

Во дворе — сухой гравий и битая черепица у водостока. Тут мышь пробежит — за ли слышно, а калитка на мужскую половину без визга и скрежета ржавых петель сроду не открывалась.

И всё же он стоял здесь и смотрел на неё сверху вниз, чуть склонив голову к плечу, в своих белоснежных одеждах, дурацкой решётчатой шапке учёного мужа — и явно ждал ответа.

Сольби пулей слетела с порожка, рухнув коленями прямо на жёсткую каменную крошку, и уткнулась лбом в сложенные на земле ладони. Мысли в голове неслись вскачь. Никакого привычного ехидства не осталось и в помине — внутри звенел чистый, первобытный ужас человека, которого застукали на месте преступления с поличным.

Слышал. Всё слышал! И как теперь выкручиваться?! Сказать, что показалось? Не пройдёт, он стоял рядом!

— П-простите неразумную, почтенный учитель! — голос предательски дрогнул и дал петуха, чего с ней не случалось со времён первого допроса в Пходочхоне. — Рабыня не слышала, как вы подошли…

Мужчина не торопился отвечать. Он сделал полшага вперёд — снова совершенно бесшумно, будто под его белыми матерчатыми туфлями не было мелких камешков. Тень от его высокой фигуры накрыла Сольби с головой.

— Ты не ответила, — мягко напомнил он. — Слишком жёсткие звуки для столичного говора. Больше похоже на язык северных племён… Или на старые заговоры степных шаманок.

— Помилуйте, господин, какие заговоры! — зачастила Сольби, судорожно цепляясь за спасительную соломинку, которую он сам же ей и подбросил. — Откуда казённой девке чужие языки знать?! Это у меня с детства дурная привычка осталась… В первый год, как меня в Лекарское ведомство отдали, при заразном бараке старая рабыня доживала из северных земель. У неё после удара язык заплетался, половину звуков глотала, мычала по-своему, как зверь лесной… А я мелкая была, всего боялась, она меня и научила этой присказке, чтобы духи хвори за свою принимали и не трогали. Так и привязалось… Бессмыслица пустая!

Врала она вдохновенно, на одном дыхании, чувствуя, как под грубой холстиной рубахи между лопаток градом катится пот.

Учитель Пэк молчал. Секунду, вторую, третью.

Он явно наслаждался тем, как она трясётся в пыли у его ног. Сольби кожей чувствовала его тяжёлый, изучающий взгляд на своём затылке. Казалось, он сейчас просто протянет руку, возьмёт её за шкирку, как слепого кутёнка, и оттащит госпоже О.

Но вместо этого над головой раздался тихий, почти невесомый смешок.

— Вот как… — протянул он, и удавка в воздухе вдруг ослабла. — Стало быть, отпугиваешь злых духов. Что ж, в этом доме подобное умение лишним не будет. Поднимись с камней, лекарка. Я пришёл не для того, чтобы смотреть на твою тощую спину.

Сольби осторожно, не разгибаясь до конца, поднялась и отступила на полшага к стене, пряча дрожащие пальцы в рукавах.

Только теперь она заметила, что в левой руке он держит небольшой плоский ларец из тёмного вощёного дерева. И с какой такой радости глубокоуважаемый наставник принца, к которому на поклон сама хозяйка ходит, лично припёрся в грязный аптечный закуток? Да, тут задворки, котлы да копоть, но за калиткой-то уже женская половина, куда чужим мужикам и носа совать не положено! Обычный благородный учёный ни в жизнь бы не опустился до того, чтобы топтать грязь у бабьих печурок — прислал бы мальчишку-слугу со списком.

Будто прочитав её немой вопрос, Пэк плавным жестом поставил ларец на край дощатого стола рядом с пучками сушёной полыни.

— У меня закончились сосновая смола и корень дудника для курительных свечей, — буднично пояснил он, поворачиваясь к полкам с казёнными банками.

Он провёл холёными пальцами по горлышку глиняного кувшина. Ногти у него были безупречно чистыми, длинными, с нежным розоватым отливом, а кожа такой гладкой и белой, будто он за всю жизнь ничего тяжелее беличьей кисти в руках не держал.

— К тому же, — Пэк чуть повернул голову, и по губам его скользнула едва заметная, тонкая улыбка, — мне давно хотелось взглянуть на столичную искусницу, которая за пять ночей сотворила настоящее чудо.

У Сольби внутри снова всё сжалось, как перед прыжком в ледяную прорубь. Как мягко стелет, гад.

— Почтенный учитель смеётся над рабыней, — глухо отозвалась она, глядя в пол. — Моей заслуги тут нет. Я лишь убрала то, что мешало молодому господину дышать, как велели книги великого Хо Джуна.

— Да-да, книги Хо Джуна, — с каким-то странным, мурлыкающим оттенком в голосе повторил Пэк и шагнул к ней.

Он остановился совсем близко — куда ближе, чем позволяли приличия между благородным мужем и низкой прислугой. От его белых одежд не пахло привычным для господ тяжёлым мускусом или сладким сандалом — только холодным горным туманом, хвоей и свежей тушью.

— Но не думаю, что хоть в одном из двадцати пяти томов есть слова о том, что наследника королевской крови следует перегибать через тюфяк головой вниз и два часа кряду отбивать ему бока, — тихо проговорил учитель Пэк, склоняясь чуть ниже, так что она краем глаза увидела чёткую линию его гладкого подбородка.

В наступившей тишине стало слышно, как на шиповнике с лёгким шелестом осыпались лепестки.

Сольби похолодела. Кроме неё, О-сангун, самого Ли Суна и его матери никто не мог знать о том, что происходило в павильоне опального принца по ночам. Даже надзирательниц выгоняли! Госпожа Сон строго-настрого запретила об этом распространяться. Неужели она сама обо всём рассказала этому скользкому типу?

— Может, стоит попросить госпожу Сон, чтобы в следующий раз писарь поискал эту главу?

А вот это уже прозвучало откровенной угрозой, но у Сольби было достаточно времени, чтобы придумать правдоподобный ответ.

— В умных книгах такого не пишут, господин. Но в бараках для бедноты дорогих лекарств не выдают, вот старые костоправы и выкручиваются кто во что горазд. Когда человек захлёбывается, его ведь не трактатами откачивают, а как утопленника — через колено перекинут да воду из груди вытряхивают.

— Во-о-от как, — задумчиво протянул Пэк. — А ты смелая девушка — лечить сына государя методами, не подтверждёнными уважаемыми учёными… Ты понимаешь, что, если бы молодой господин не пошёл на поправку, госпожа Сон велела бы содрать с тебя кожу живьём за одно такое надругательство над его телом?

Это она как раз таки прекрасно понимала, но, прежде чем успела открыть пересохший рот и ответить, интонация Пэка неуловимо изменилась. Угроза исчезла так же внезапно, как и появилась.

— Впрочем… — он небрежно махнул широким рукавом. — Главное — исход. Я заходил к Суну перед полуднем. Впервые за полгода в его груди не свистит ветер, а взгляд стал ясным. Это поистине удивительное зрелище. Пожалуй, я бы и сам не отказался взглянуть на те записи или редкие свитки, по которым тебя обучали этому искусству. У тебя ведь наверняка есть при себе памятная книжица с наставлениями твоего учителя? Серенькая, предположим… Я бы с удовольствием полистал её на досуге.

Сольби на пару с Еленой Николаевной застыли в немом шоке, не в силах не то что ответить, но даже сделать следующий глоток воздуха.

Серенькая. Откуда он, чёрт побери, знает про блокнот?!

Последние сомнения рассыпались в прах: он пришёл сюда не за травами. Он следил за ней. Вынюхивал, прощупывал, играл, как сытый кот с подбитой птицей, — оставлял лазейку для отступления, позволял соврать и тут же одним ласковым словом ломал второе крыло. Неведомо как, но этот человек знал всё: и что её лечение не из здешних трактатов, и что говорит она сама с собой на чужом языке, и что в её узелке спрятано нечто большее, чем складская опись.

Осознав, что притворяться дальше бессмысленно и терять уже нечего, Сольби медленно подняла голову — и уткнулась взглядом прямо в его глаза.

Учитель Пэк не отвернулся, не возмутился такой дерзости, напротив — он чуть подался вперёд, сокращая расстояние между ними до какого-то совсем уж неприличного минимума, и прошептал:

— Не бойся, маленькая лгунья. Если бы я хотел тебя выдать, уже бы это сделал. Я умею хранить секреты лучше, чем бумага. Она выдаст тебя от первой же капли воды, а я сохраню твои тайны даже под пыткой. В этом доме тебя некому защитить, кроме меня. Так отчего бы тебе не прийти ко мне самой… когда надоест разговаривать с пустыми стенами?

В его янтарных, подсвеченных солнцем радужках что-то мягко, тягуче дрогнуло. Черты лица разгладились, в изгибе губ появилась странная, обволакивающая теплота. Он смотрел на неё не мигая — глубоко, пристально, словно предлагал шагнуть в тёплую заводь после долгого ледяного дождя. И да, он был непозволительно, безумно красив в этот момент. В первую секунду у Сольби даже слегка поплыло перед глазами.

А во вторую, внутри неё, во весь рост встала медсестра Волкова с двадцатилетним стажем, которой в отделении такие красавцы каждый день глазки строили, чтобы выклянчить лишнюю ампулу трамадола или больничный лист задним числом. И Елена Николаевна в привычном, строго-презрительном жесте вскинула бровь и посмотрела на умника поверх несуществующих очков.

И вот тут с учителем Пэком произошло нечто странное.

Тёплая полуулыбка на его губах вдруг застыла, сделавшись какой-то деревянной. Идеально очерченные тёмные брови едва заметно дрогнули и сошлись к переносице. Он моргнул — раз, другой, — словно наткнулся в темноте лбом на монолитную стену там, где рассчитывал пройти сквозь туман. В янтарных глазах на миг проступило совершенно искреннее, почти мальчишеское замешательство.

Чем бы закончились эти странные гляделки, неизвестно, но тут в углу под навесом громко, с протяжным свистом всхрапнула старая Кым. Глуховатая кухарка заворочалась на своём чурбаке, слепо шаркнула ногой и задела ту самую глиняную миску, которую Сольби уронила пару минут назад. Черепок с противным дребезжащим звоном снова загремел по камням, а старуха, приоткрыв один мутный глаз, испуганно зашарила руками вокруг себя:

— Ась?.. Кто тут? О-сангун, я не сплю, уголья ещё тлеют, Небо свидетель, тлеют…

Увидев посреди двора белые одежды учителя Пэка, полуслепая бабка охнула и кулем повалилась со своей колоды прямо на колени в золу.

Пэк даже не взглянул на неё.

— Я сейчас соберу вам коренья, почтенный учитель, — торопливо, но ровно сказала Сольби и, воспользовавшись заминкой, аккуратно скользнула в сторону, к столу с мешочками, разрывая этот душный, непонятный контакт и избавляя себя от необходимости отвечать. — Дудник у меня свежий, из столичных запасов, не подмокший. И смолы сосновой отсыплю.

Пэк медленно повернул голову вслед за ней, и теперь в его взгляде больше не было ни игры, ни барской снисходительности, ни того тягучего медового морока. Он смотрел на её быстрые, загрубевшие от работы руки, отмеряющие сухие коренья в его деревянный ларец, с какой-то тяжёлой, нечитаемой задумчивостью — так смотрят на сложный замок, к которому внезапно не подошёл ни один из проверенных ключей.

— Благодарю, — негромко произнёс он, когда крышка ларца тихо щёлкнула. Его длинные пальцы легли на дерево буквально в волоске от её руки. — Береги себя, Сольби. Ночи в предгорьях ещё холодные… а заговоры северных шаманок помогают далеко не от всех напастей.

Он развернулся, придерживая ларец под широким рукавом, и неспешно пошёл прочь. Сольби стояла у стола, вцепившись пальцами в край грубой доски, и смотрела ему в спину. Ни скрипа гравия под подошвами, ни шороха ткани. Белая фигура скользнула к калитке на мужскую половину, пальцы привычно тронули тяжёлую железную скобу — и проржавевшие петли, от визга которых обычно уши закладывало, вдруг разошлись совершенно беззвучно, будто их только вчера густо смазали свиным салом. Доски тихо сомкнулись за его спиной, словно никакого учителя Пэка тут никогда и не было.

Сольби обессиленно опустилась обратно на ступеньку и шумно, всей грудью выдохнула. В висках тупо стучало.

Это что сейчас вообще такое было?!

Уж в то, что лощёный хозяйский любимчик воспылал внезапной страстью к немытой казённой девке в драной холстине, Сольби не поверила бы даже под дулом пистолета. Обычный, отработанный до блеска трюк записного сердцееда: привык, видать, что от одного его томного взгляда и смазливой рожи все местные бабы штабелями падают, вот и пустил в ход тяжёлую артиллерию. Чтобы поплыла, размякла и безропотно ела с ладони.

Вопрос в другом — на кой чёрт она ему сдалась и кто он вообще такой, этот «учитель каллиграфии» с повадками опытного домушника?

Если бы он работал на госпожу Сон и берёг её покой, то после того, как застукал столичную лекарку за странными речами и пронюхал про тайные записи в блокноте, первым делом сдал бы её с потрохами О-сангун. Но он молчит. Более того — в открытую намекает, что прикроет, и мягко, но намертво берёт на поводок.

Значит, в этом каменном мешке сидит ещё один соглядатай? Но чей? Тех самых министров, которые спят и видят, как бы вернуть опального принца обратно в столицу? Или тех, кто через сбежавшего лекаря Чона тихо травил мальчишку маком, а теперь, когда Сольби спутала им все карты и вытащила Суна с того света, решил прибрать слишком умную лекарку к своим рукам? Мол, будешь паинькой и станешь плясать под мою дудку — поживёшь ещё, а взбрыкнёшь — твоя серая книжица вмиг окажется на столе у хозяйки. Удобно, ничего не скажешь. Взял за горло так ласково, что и не пикнешь.

— Тьфу ты, нежить болотная, — кряхтя и охая, старая Ким наконец начала подниматься с четверенек, опираясь скрюченными руками о край печурки и отряхивая золу с прожжённого передника. — Едва к предкам раньше срока не отправилась! Ходит как дух бесплотный… Вроде и скопец от природы, бородой гладкий, а всё одно — не место мужику у наших котлов шастать!

Старуха сердито пошарила вокруг себя, подобрала закатившуюся за колоду миску Сольби, обтёрла её подолом и со стуком поставила на край стола. Потом опасливо покосилась на закрывшуюся калитку и зашамкала вполголоса:

— А ты, девка, рот на замке держи, никому не сболтни, что он тут был. Госпожа-то наша на своего спасителя молится, она ему и не такую вольность спустит, а вот с нас, холопов, госпожа О враз три шкуры сдерёт — и с тебя, и с мальчишки его бестолкового, что за кореньями вовремя не сбегал. А уж ежели молодая барышня Хан пронюхает, что учитель Пэк к тебе в закуток заглядывал, — и вовсе со свету тебя сживёт. Посуду прибери, разиня, да спи иди, пока кликать не начали, лица вон на тебе нет совсем, белая вся как полотно…

Сольби не успела ответить, как со стороны внешнего двора — там, где за каменной стеной находились главные въездные ворота, — резко закричали стражники, заскрипели тяжёлые

засовы, зацокали по булыжнику копыта лошадей, и чей-то зычный, командный голос рявкнул на весь двор:

— Открывай! Новый смотритель от Дворцового казначейства прибыл!

Сердце у Сольби радостно ёкнуло и подскочило к самому горлу, мгновенно вытеснив липкий страх после разговора с учителем Пэком.

Доехал! Живой, чертяка!

Она вскочила со ступеньки так стремительно, что старая Ким испуганно вздрогнула и отшатнулась. Нарушать приказ и высовываться на внешний двор Сольби не смела, но и усидеть в своём закутке не было никаких человеческих сил.

Она метнулась за угол кухни, туда, где в высокой разделительной стене темнела узкая дренажная щель для стока дождевой воды, прикрытая сверху кованой решёткой, и припала лицом к холодному, поросшему мхом камню.

На внешнем дворе уже кипела суета.

Двое уездных стражников в поношенных синих безрукавках заводили под навес у конюшни пару тощих, забрызганных дорожной грязью по самое брюхо лошадок и навьюченного сундуками мула. У распахнутых ворот переминалась с ноги на ногу местная охрана, а с крыльца внутренней половины, сопровождаемая бледной Пуни, уже спешила госпожа О — вся вытянувшаяся в струнку, с лицом радушной гадюки, готовой встретить незваного столичного ревизора по всем правилам этикета. А далеко посреди двора, спиной к водостоку, возле которого затаилась Сольби, стоял сам новый смотритель в полинялом тёмно-зелёном халате мелкого чиновника и помятой шляпе с редкими, обвисшими от сырости полями.

Сольби жадно вглядывалась сквозь ржавые прутья в фигуру у коновязи, не в силах сдержать невольную улыбку. Господи, да где ж он это тряпьё откопал? На свалке в Ансоне или с мертвеца снял? И сгорбился-то как, артист погорелого театра…

Чиновник тем временем снял с плеча дорожный узел, передал его конюху и, тяжело опираясь на узловатую кизиловую палку, начал неспешно поворачиваться на звук шагов приближающейся домоправительницы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.